

Предел искушения

12+

ДМИТРИЙ ЦВЕТКОВ

Дмитрий Цветков
Предел искушения

«Автор»

2018

Цветков Д.

Предел искушения / Д. Цветков — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-91671-5

Известный российский журналист Илья Илаев собирается в отпуск, чтобы восстановить силы. Владелец издательства Всеволод Реболаров предлагает совместить поездку с несложным рабочим заданием. Илаеву поручено собрать информацию о найденной на греческом острове «Книге жизни», принадлежащей перу Авиценны. По легенде, эта рукопись представляет собой квинтэссенцию знаний, накопленных философом на протяжении всей его жизни, среди которых – рецепт бессмертия. По мере развития событий Илаев всё больше убеждается, что ввязался в серьёзную игру, правила которой ему пока неизвестны, а ставка в игре - собственная жизнь.

ISBN 978-5-532-91671-5

© Цветков Д., 2018

© Автор, 2018

Дмитрий Цветков

Предел искушения

ЧАСТЬ 1

Начало

Трудно стало Мелиору смотреть на Создателя – возникшее из небытия неуёмное желание приблизиться к нему по значимости, лишало покоя. У Мелиора пропал сон, исчез аппетит, прекрасное очаровывало всё меньше и меньше. Он не понимал, откуда взялись эти ощущения, ведь до сих пор жизнь в сотворённом мире казалась столь безоблачной: Мелиор был любим, окружён друзьями, его не терзали мучительные раздумья, а чувство беспокойства было неведомо – и вдруг!

Всё началось неожиданно – со странного на тот момент вопроса: «Почему он, а не Я?», – появившегося ниоткуда, словно вырвавшегося изнутри. Поначалу Мелиор не обратил внимания на промелькнувшую мысль – скорее, удивился её нелепости. Однако зародившееся сомнение стремительно обретало всё более отчётливые очертания. Теперь, когда он глядел на грациозные движения Создателя и слушал его открытые добрые речи, бывшее восхищение смешивалось с осознанием того, что сам он умеет говорить не хуже, а порой даже красноречивее и убедительнее. И неизменный вопрос снова и снова всплывал в его голове: «Почему он, а не Я?».

Мелиор ничего не мог поделать с захлестнувшим его внутренним смятением. Все попытки отделаться от чуждых прежде мыслей оказывались тщетными; к тому же, ещё один вопрос завладел его разумом: «Чем же Я хуже?». И вслед за ним: «Я могу лучше – почему меня ценят меньше?». Жить стало невыносимо. Навязчивые терзания не покидали ни на минуту. Назойливые мысли стали ему неподвластны, но, что хуже всего, в глубине души Мелиор и не желал избавления от своего вольнодумства.

Отныне встречи с Создателем уже не приносили ему былой радости. Чувства Творца стали казаться фальшивыми, а доброжелательность – напускной. Любое его действие подвергалось критической оценке; в сравнении со своими возможностями, Мелиор неуклонно убеждался, что произошла невероятная ошибка, и место Создателя должно предназначаться ему. А потом пришёл черёд долгим раздумьям, вытеснившим все прочие мысли. Мелиор озаботился, как убедить окружающих воспринимать его с Создателем на равных – нет, как заставить их признать его превосходство? Ведь никто не замечал его величия! А может быть... может быть, все только делали вид, что не замечают – из-за страха перед Всевышним? И это обстоятельство повергало Мелиора в ярость.

И вдруг он осознал, что гораздо умнее и смелее всех. Хотя бы потому, что отважился почувствовать себя равным Создателю. И больше никто – абсолютно никто – не заслуживает такой привилегии. Наконец, терпение его иссякло, и Мелиор заявил Творцу о своих притязаниях – о желании встать рядом и получить положенное ему по праву. Удивительно, но Создатель не возразил – он даже выказал готовность передать свои знания, даровать свою любовь, и, как мечталось Мелиору, разделить с ним всё, чем обладает. И больше того, он дал понять, что способен сделать это для каждого.

НЕВЕРОЯТНО! Для КАЖДОГО! Мелиор был не в силах смириться с вопиющим унижением. Разве каждый хочет того же, что и он? Разве эти ничтожества, влачащие жалкое существование, достойны всеобщей любви? Только ему – умному, красивому и сильному – надлежит стать объектом всеобщего обожания. И что он слышит? Его – того, кто уверился в своём превосходстве – поставили в один ряд со всеми! Это было **СЛИШКОМ!** Безропотно терпеть подобное не представлялось возможным. Гнев переполнял Мелиора. Равенства стало недоста-

точно – он востребовал всеобщего признания его господства и открыто бросил вызов Создателю, а тот... лишь кротко улыбнулся в ответ и обнял его...

Мелиор получил то, чего так страстно желал. Ему был представлен мир наряду со свободой устанавливать в нём свои правила. Оставить его у себя Создатель не мог, поскольку жажда всеобщего обожания не вписывалась в сотворённый им уклад, где понятия «получать» и «отнимать» не имели власти, где правило стремление создавать, отдавать и даровать.

Теперь Мелиор жил далеко – в мире, дарованным Создателем. В мире с теми, кто поддался порочным мыслям и стал смертен, заразившись тщеславием, алчностью, завистью, жадностью, гордыней. В мире, где каждый задавал себе вопрос – один и тот же вопрос – «Ну почему же он, а не Я?». Именно в этом мире Мелиор царствовал бесконечно.

Он взмывал ввысь, упиваясь своим могуществом. Теперь он был властелином! Каждый признавал его безграничную силу и трепетал при упоминании имени его. Мелиор победил, доказал свою исключительность. О большем, казалось бы, и мечтать не приходилось. Вот оно – долгожданное счастье!... Однако на исходе игры из глубины его тёмной души неожиданно всплыли новые, неведомые прежде ощущения – ощущения бесцельности и бессмысленности происходящего. Взирая пустым холодным взором на снующих внизу смертных, он испытывал лишь презрение.

В недоумении Мелиор обращался к небу: «За что? За что ты любишь их?», на что Создатель отвечал, что для любви не нужны причины. Тогда Мелиор с криками отчаяния метался над миром, напрасно пытаясь постичь, что за чудо позволяет любить тех, кто пренебрегает твоими ценностями. И это непонимание лишь усугубляло его негодование. Так проходила вечность...

Однажды, когда ненависти стало тесно в груди, Мелиор, сидя на вершине мира, неожиданно осознал, что во всех его бедах виновата мысль, некогда вырвавшаяся изнутри. Ах, если бы он не дал ей возможность завладеть всем его существом, он бы никогда не испытал столь горького разочарования.

«Я могу контролировать мысли окружающих, но не могу управлять своими, а значит, я слаб? – с ужасом спрашивал себя Мелиор. – А может быть, я не умею любить – так, как любит Он?»

И его взор вновь обращался к небу...

1

Всё закончилось... и как только закончилось – неожиданно началось заново.

Природа определённо не терпит пустоты в нашем мире – видимо, слишком много намечено для нас Господом, чтобы терять время на бездействие. Каждая остановка – лишь короткая возможность перевести дух, собраться с мыслями, восстановить силы. Ничто не стоит на месте.

Илья уже давно находился в состоянии необъяснимого уныния, которое в медицине называется депрессией или неврозом. Люди, страдающие подобными расстройствами, считаются ненормальными. Не сумасшедшими, а именно ненормальными, поскольку норма – состояние, присущее большинству, а всё, что не вписывается в её рамки, считается отклонением. Однако в сравнении с сумасшедшими, «отклонившиеся» имеют гораздо больше шансов восстановить свой изначальный психический статус. Безусловно, каждому человеку свойственно порой пребывать в мрачном настроении, но, как правило, оно быстро сменяется эмоциональным подъёмом; ненормальные же задерживаются в дурном расположении духа так долго, что перестают осознавать свою тоску, а ощущение радости практически стирается из их памяти.

На окружающих душевное расстройство Ильи не особенно отразилось – он был не из тех, кто выставляет события своего внутреннего мира на всеобщее обозрение, напрашиваясь

на сочувствие или же вымещая зло на каждом встречном. Несмотря на это, пересуды о метаморфозах, произошедших в его характере и поведении, не смолкали.

Илья Илаев работал журналистом в довольно крупном издательстве. Его статьи и репортажи в своё время наделали много шума. И хотя фамилия его по-прежнему оставалась на слуху, а материалы пользовались неизменным интересом читателей, они всё же несколько утратили былую остроту и злободневность. Илаев вроде бы старался держать марку и сохранять репутацию, но огонь внутри пылал уже не столь ярко. Желание творить и потрясать общество, угасало – причём угасало вместе с потребностью быть популярным.

Главный редактор издательства, Сергей Эдуардович Хронов – давний товарищ и коллега Илаева – считал его человеком надёжным, порядочным, в разумных пределах честолюбивым и, несомненно, одаренным. Хронов не понаслышке знал, что творческие личности подвержены внутренним кризисам, как никто другой, а посему считал своим долгом оказывать поддержку тонким натурам своих подопечных. Именно так он и поступил в этот раз.

– Дружище, тебе нужен отпуск! Лето на дворе... Слетай на море, отдохни, перезагрузись, наберись сил. Иначе сгоришь – сгоришь дотла. Кризис пера... Поверь, я повидал многих его жертв. И кем они стали? – Озлобленными заурядностями! Важно, знаешь ли, вовремя сделать паузу.

Илья расположился в удобном кожаном кресле в кабинете Хронова.

– Да-а-а... – протянул он, устремив вдаль слепой взгляд. – Теряю мотивацию... Последнее время я вообще престал понимать, для чего работаю. Раньше хотелось шокировать общество правдой, хотелось восстать против несправедливости, а сегодня... лишь сомнения... сплошные сомнения. Зачем обществу правда? Нужно ли вообще тревожить людей? Да и как бороться против несправедливости, если то, что ещё недавно считалось вопиюще аморальным, сегодня – пример для подражания?

Хронов возвёл руки в знак согласия с тирадой коллеги, из которой напрашивался единственно верный вывод: на столе оперативно организовались два бокала, початая бутылка армянского коньяка и основательно подсохший, но ещё пригодный к употреблению лимон.

– Стареешь, брат! Думать много стал, – подытожил редактор; смерив взглядом объём содержимого бутылки, он неудовлетворённо скривился, но тут же перевёл глаза на Илью и подмигнул ему. – В общем, пиши заявление на отпуск, и в добрый путь! Ты мне нужен сильным и готовым к борьбе. А уж я за это время подберу задание, чтоб у тебя по возвращению не было времени для сомнений.

Едва удостоив коньяк равнодушного взора, Илья отставил бокал.

– Я не буду, – сказал он. – Но ты, наверное, прав – надо отдохнуть.

– Я всегда прав – должность у меня такая, – Хронов возмущенно вернул бокал на место. – И пить будешь – приказ руководства. Что за меланхолия?! Думаешь, мне всё нравится? Думаешь, я всем доволен? Да один новый владелец чего стоит! Нос суёт чуть ли не в каждый материал. Меняет формат, как ему вздумается, – редактор сбавил громкость своего голоса почти до минимума. – У меня вообще создаётся впечатление, что мы начинаем работать в рамках чётко заданной программы, причём никак не возьму в толк, какой. И что? Мне хандрить или делом заниматься? Разберёмся, определимся, выстроим! А сидеть и ныть – это, знаешь ли, не для нас с тобой. Мы калачи тёртые! Верно? И если не мы, то кто?

– Эх... – Илья грустно вздохнул и одарил Хронова натянутой улыбкой. – Ну, в отпуск – так в отпуск.

– Другое дело! – удовлетворённо продекламировал редактор. – И чтобы без выкрутасов. Завтра же на самолёт – и в тёплые края! Обратно – отдохнувшим, бодрым и дееспособным. Уяснил?

Илья обреченно кивнул:

– Уяснил.

– Вот так, брат. Таким ты мне нравишься. А то уже по коридорам шепчутся: Илаев то, Илаев сё – выдохся... Не смей! Не смей давать повод для сплетен! – Хронов нахмурился, но тотчас же расплылся в широкой улыбке и принялся разливать коньяк по бокалам. – Так куда направишься?

– Да может, в Грецию... давно хотел там побывать.

– Вот и прекрасно, езжай в Грецию, – Сергей поднял бокал. – «Метакса», вино, гречанки – чтобы в достатке было. За это и выпьем.

Илья сделал глоток коньяка. Обжигающая волна прокатилась по его пищеводу, насыщая каждую клеточку организма живительной силой.

– Жизнь продолжается, – изрёк журналист, и гримаса на его лице стала куда больше походить на улыбку.

– Нет, брат – только начинается, – поправил его редактор. – Продолжается она у серой массы, а мы с тобой творцы, поэтому у нас каждый антракт предзнаменует нечто новое, большее.

– Аминь, – произнёс Илья и опустошил бокал.

2

То ли сон, то ли явь, то ли бред.

Илье спалось беспокойно. Нет, кошмары не мучили. Он давно забыл, что такое пробуждение среди ночи в холодном поту. Чаще снилось что-то несуразное и невразумительное, оставляя под утро уже привычный осадок пустоты и разочарования. Проснувшись, Илья подолгу лежал в кровати, осмысливая ночные грёзы и раздумывая о дне грядущем. Усилием воли он прогонял навязчивые мысли, после чего машинально шёл умываться и готовить завтрак, а затем отправлялся на работу с тем, чтобы вечером вернуться домой и снова заснуть. В ту ночь Илье не снилось ничего, и утренние мучительные раздумья о бессмысленности бытия успешно заменила головная боль и угрызения совести.

Вчерашняя разминка коньяком плавно перетекла в феерическую пьянку. Уже из редакции они с Хроновым выдвинулись с песней. Поймав такси, коллеги отправились в ресторан, где устроили грандиозное пиршество по поводу предстоящего отпуска – с выступлениями на ресторанной сцене, обхаживаниями гостей заведения, скандалом с администратором и дракой с двумя типами, находившимися в аналогичной кондиции. Да и дракой назвать это можно было лишь с натяжкой – скорее, обоюдное угрожающее мычание, хватание за одежду и валяние друг друга по тротуару, прерванное проезжавшим мимо полицейским патрулём. Из отделения Илью и Сергея отпустили практически сразу благодаря известности журналиста Илаева в кругах защитников правопорядка – освещая в свое время криминальную хронику, он снижал репутацию объективного и порядочного человека.

Телефонный звонок заставил Илью вздрогнуть. Он минуту сомневался, стоит ли брать трубку, но догадка, что это может быть Сергей с предложением поправить самочувствие, заставила прохрипеть в аппарат:

– Да... м-м-м... Илаев слушает.

– Живой? – голос Хронова звучал на удивление бодро, – впрочем, он всегда отличался завидной способностью наутро после банкетов выглядеть так, будто всю ночь спал ангельским сном. – Ладно, это даже не важно – сейчас оживёшь. Быстро собирайся – и в редакцию. Билеты на Крит уже забронированы. Вылет сегодня вечером. Только перед поездкой тебе нужно встретиться с Реболаровым – у него какая-то личная просьба имеется.

– Я не... м-м-м-могу... – не лукавя, простонал Илья.

– Я тебя понял, – Хронов сделал секундную паузу. – Через час пришло машину. Мычание и стоны слышать больше не желаю. От приглашений Реболарова не отказываются, тем более, твоя поездка оплачена им. Остальное при встрече. Жду.

Разговор оборвали короткие гудки. Илья пролежал ещё минут пять с прижатой к уху трубкой. Солнечный луч, заглянувший сквозь неплотно прикрытые шторы, невозмутимо озарял беспорядок в холостяцкой комнате. Жмуря глаза, журналист с трудом встал и поковылял в ванную.

Личность Всеволода Александровича Реболарова была окутана плотной пеленой тумана. Этот человек практически не попадался в поле зрения СМИ, а если кто-то проявлял излишний интерес к его персоне, то любопытному объясняли: Всеволод Александрович не желает публичности – причём объясняли столь доходчиво, что у акулы пера тут же пропадало желание попытаться до подробностей его восхождения к вершинам бизнеса.

Илаев не припоминал ни одного интервью или публичного выступления Реболарова, при том, что по слухам, тот начал свой предпринимательский путь ещё во времена перестройки. В отличие от своих коллег по цеху, все эти годы бизнесмен старательно оставался в тени, влияя на события не посредством внешних факторов, а с помощью личного авторитета. Похожими методами пользовались криминальные лидеры, но причислить Всеволода Александровича к последним не было оснований, ибо в скандальные истории он не впутывался и имел безупречное реноме. Реболарову никогда не доводилось быть ни жертвой бандитского покушения, ни объектом интереса следственных органов.

Илья по роду своей деятельности был знаком и с предводителями криминальных структур и с серьёзными бизнесменами; так вот, и те и другие считали Реболарова человеком конторы или даже правительства. Его уважали и побаивались. Создавалось впечатление, что олигарх знал наперёд о грядущих переменах в стране, и с изворотливостью змеи плавно огибал преграды, шаг за шагом создавая империю, масштабы которой не брался определить ни один эксперт. Реболаров был редким гостем модных тусовок, и любое появление предпринимателя в публичных местах вызывало такой ажиотаж, что на одном его имени можно было зарабатывать баснословные деньги. Что же касается личной жизни, то Всеволод Александрович предпочитал не связывать себя брачными узами, и это лишь придавало ему ещё пущей загадочности и порождало ещё больше сплетен вокруг его персоны.

В последнее время Реболаров проникся интересом к прессе и телевидению. Однако учитывая, что в России с помощью контроля над СМИ можно не только влиять на умы и сердца простых смертных, но и нажать опасных врагов в лице государственных мужей, он занимался приобретением издательств и телеканалов крайне аккуратно, стараясь не вступать в противоречия с правящими политическими силами страны.

Несколько месяцев назад Всеволод Александрович выкупил издательство, в котором работал Илья. После крупных финансовых вложений дела компании пошли в гору, за исключением одного нюанса – независимость была поставлена под большое сомнение. Творческий коллектив пытался саботировать, но достойное увеличение заработной платы довольно скоро охладило пыл сотрудников.

«На кой чёрт я ему понадобился?» – думал Илья, пытаясь холодной водой смыть с лица отпечаток вчерашних событий.

3

Секретарь в приёмной руководителя во многом характеризует своего шефа. Молодые симпатичные девушки с ногами от ушей и голливудской улыбкой, как правило, приглашаются на работу директорами тщеславными, пытающимися подчеркнуть свою приверженность к роскоши и комфорту. Нередко их секретарши выполняют не только условия трудового договора, но и поддерживают босса в трудные минуты приступов спермотоксикоза. Такие привилегии зачастую порождают в девушках мысли об их исключительном положении в компании, но как

только ими совершается попытка перейти границы дозволенного, трудовой контракт аннулируется вместе с иллюзией прочных чувственных отношений. Руководители без сожаления расстаются с самонадеянной и надоедливой сотрудницей, заменяя её более неприхотливой.

Партнёрам компаний, возглавляемых человеком с моделью в приёмной, нужно осознавать: решения такой начальник нередко принимает, руководствуясь личными амбициями, ставя их превыше холодного практического расчёта, и некоторые вопросы бизнеса возможно успешно решить через секретаршу, которая способна подвести шефа к нужным выводам в моменты сладостной неги.

Руководители же, ставящие перед собой задачи исключительно коммерческого или делового характера, нуждаются в секретаре расторопном, собранном, на которого можно положиться как на себя, обладающего знаниями психологии, этикета, не путающего отношения личные с делами компании. В подборе такого специалиста внешность и возраст, конечно, имеют значение, но не приоритетное. Через подобного сотрудника повлиять на директора крайне сложно, и партнёрам компании стоит чётко понимать, что сыграть на эмоциях руководства в процессе переговоров вряд ли получится, а, следовательно, аргументы должны подкрепляться убедительными цифрами и фактами. Хотя... нет правил без исключений.

– Илья, ты хорошо себя чувствуешь? – поинтересовалась Светлана, секретарь Хронова – приятная женщина лет сорока, в строгом деловом костюме и с семейной фотографией на рабочем столе.

– Я себя чувствую, Светочка. И это уже хорошо, – попытался пошутить Илаев. – Если не трудно, сделай, пожалуйста, крепкого чаю – Сергей Эдуардович против не будет. Кстати, он меня ждёт?

– Да, сейчас сообщу о тебе.

Сергей, как всегда, был полон энергии. Он встретил Илью в дверях кабинета.

– Давай, проходи-проходи. Ну как ты? – затараторил Хронов, окинув критическим взглядом коллегу.

– Нормально, – немного раздражённо ответил Илья. – Что за пожар?

– Не поверишь! – Сергей выглядел возбуждённым. – Утром позвонил сам Реболаров и начал расспрашивать о тебе – мол, как работает, чем сейчас занимается; даже о здоровье осведомился.

– С чего бы? – Илья в недоумении уставился на редактора.

– Вот и я об этом думаю... – Сергей указал на кресло, в котором вчера начались проводы в отпуск, подождал, пока Илья устроится в нём, и продолжил: – Я, конечно, дал самые лучшие рекомендации. Сказал, что работаешь на износ, устал, и я предложил тебе взять отпуск. Как ни странно, Реболаров заинтересовался маршрутом твоей поездки. Я ответил, что ты хотел съездить в Грецию... Теперь – внимание! – Сергей поправил очки и пристально посмотрел на Илью. – Наш таинственный шеф одобрил выбор. Больше того! Поскольку ты являешься ценным сотрудником, давно заслуживающим поощрения, компания возьмёт на себя все расходы по перелёту и проживанию. Ты же приглашён зайти к нему перед поездкой – Реболаров хочет лично порекомендовать, где стоит побывать, чтобы от отдыха остались неизгладимые впечатления... Илюха, я не знаю, что он задумал, но уверяю, просто так этот субъект ничего делать не станет. Думаю, он собирается нагрузить тебя какой-нибудь темой.

– Вот и отдохнул, – уныло протянул Илаев.

– В общем, дуй к Реболарову – он уже интересовался, прибыл ли ты. Потом сразу ко мне. Понял?

Илье показалось, что Сергей гораздо больше, нежели он сам, воспылил любопытством к замыслу шефа. Впрочем, зная обострённое чувство ответственности за сотрудников у своего начальника, он не удивился подобной реакции.

Офис Всеволода Александровича Реболарова располагался на последнем этаже здания. Бдительные охранники с непроницаемыми лицами не оставляли шансов постороннему проникнуть в святую святых без спецпропуска. Не успел Илаев выйти из лифта, как его тотчас же вежливо, но настойчиво попросили задержаться. Один из стражей уточнил фамилию, цель визита и связался с офисом. Получив из него подтверждение, он проводил Илью до дверей приёмной, где их встретила секретарь. Журналист отметил про себя, что имя Елена, которое он успел разглядеть на бейджике девушки, как нельзя лучше подходило к внешности его обладательницы – выглядела она, как сказочная Елена Прекрасная.

– Господин Илаев к Всеволоду Александровичу, – негромко, но чётко, как и подобает бывшему, а, возможно, и действующему сотруднику силовых структур, отрапортовал охранник.

– Господин Реболаров просил подождать минут пять, – в тон сотрудника службы безопасности, но более мягко и ещё более сдержанно, произнесла Елена, едва заметным кивком дав понять провожатому, что тот может быть свободен. – Присаживайтесь, пожалуйста, Илья Дмитриевич.

Илья обвёл взглядом приёмную. Всё нажитое им имущество едва ли соизмерялось со стоимостью обстановки этого помещения. С многозначительным «да-а-а...», Илаев присел на роскошный кожаный диван. Чувствовал он себя неважнецки: голова ещё болела, а тягостные воспоминания о вчерашнем торжестве никак не позволяли расслабиться.

– Кофе? Чай? – предложила секретарь.

– Спасибо, я не... хотя, если можно, воды, – ответил Илья и смущённо улыбнулся, будто на лбу у него стояло клеймо, извещающее о состоянии похмелья.

– С газом? – не меняя интонации, уточнила девушка.

– Пожалуй... если можно, – сказал Илья уже не смущённым, а слегка заигрывающим тоном.

– Да, конечно.

Несколько глотков воды заметно улучшили самочувствие, и Илаев с радости попытался завязать непринужденную беседу:

– Красиво у вас.

Губы Елены тронула дежурная улыбка; взглянув в глаза гостя, она сухо ответила:

– Дизайном интерьера занимался господин Лефортов.

– Ух ты! – Илаев невольно присвистнул.

Имя Марка Лефортова не было известно широким массам, но в кругах посвящённых упоминание о том, мастер приложил руку к благоустройству чьего-либо помещения, говорило о статусе его владельца гораздо больше, нежели гараж, начинённый «Феррари» и «Бентли».

– Елена, а вы всегда такая серьёзная? – Илья решил, что короткая ремарка красотки даёт право на продолжение разговора.

– Господин Илаев, Всеволод Александрович примет вас через минуту, – игнорируя вопрос, ответила секретарь и скользнула по его лицу взглядом, выражение которого трудно описать, но значение очень легко понять.

Илья, растерянно заморгал; желание продолжать общение бесследно испарилось. Красивая молодая женщина напоминала ему холодный белый айсберг.

«Демоническая личность», – подумал он.

Настроение, не успев улучшиться от предвкушения лёгкого флирта, снова ушло в минус. Тем временем, на столе в приёмной что-то пискнуло.

– Господин Реболаров просит вас пройти! – Илья уловил в голосе секретаря отчётливые нотки торжественности.

Елена подошла к кабинету шефа, поспешно оправилась, постучала в дверь и замерла в ожидании. Внезапное оживление этой бесстрастной особы заставило Илью занервничать. На лбу проступили мелкие капельки пота. Он на секунду замешкался у распахнутой двери, где, словно часовой, застыла прекрасная ледяная женщина, и, вежливо кивнув, прошёл в кабинет.

– Добрый день, Илья Дмитриевич! – Реболаров стоял лицом к окну, заложив руки за спину и устремив вдаль задумчивый взгляд. – Проходите, присаживайтесь.

Огромное помещение меньше всего походило на официальный рабочий кабинет – оно, скорее, наведало ассоциации с шикарной гостиной в охотничьем шале. Стены, отделанные ценными породами дерева; того же оттенка массивный круглый стол со стульями; мягкая мебель, обтянутая светлой кожей; причудливая люстра, напоминающая золотую лиану, ползущую по потолку; чучела экзотических животных; камин с бронзовым обрамлением; роскошный ковёр. Все детали убранства, в совокупности создающие впечатление исключительной продуманности и законченности дизайна, располагали к полному комфорту. Фотографии сцен охоты, развешанные с обманчивой небрежностью, рассказывали о происхождении трофеев, а предметы старины, собранные из разных уголков мира, не предполагали сомнений в их подлинности.

– Да-а-а... – Илья был неизменен в выражении эмоций.

– Строгая деловая обстановка не в моём вкусе, – не оборачиваясь, произнёс хозяин офиса. – Современные люди склонны к минимализму – они перестают замечать за цифрами и расчётами красоту материального мира. Качество стало переходить в количество. Для многих «сколько» гораздо важнее, чем «как» – вы не находите?

– Нахожу, – ответил Илья, так и не определившись, куда же ему присесть.

– И что вы об этом думаете? – поинтересовался Реболаров, не отрывая своего взгляда от пейзажа за окном.

– Если честно, – Илья немного замаялся, – я думаю, что такой подход тоже имеет право на существование. Ведь каждый волен выбирать, что ему ближе, поэтому не вижу повода для споров.

– Хорошо! – крайне удовлетворённо произнёс Реболаров. – Считаете, что жажда наживы – не порок?

– Если она не мешает жить окружающим.

– Разве такое возможно? – владелец роскошного офиса так и не удосужился взглянуть на посетителя. – Или вы полагаете, что страсть к накопительству не затрагивает интересы других людей?

– Наверное, в какой-то степени затрагивает, – Илаев продолжал рассматривать детали обстановки, – впрочем, как и все остальные страсти людей. Ведь даже любовь к женщине может доставить неудобство другому тайному воздыхателю, но что поделать – свобода выбора...

– Очень хорошо! – Реболаров повернулся к Илье и широко улыбнулся. – Хотите немного выпить? Вы ведь отправляетесь в отпуск?

– Спасибо, – Илья немного смутился, – не откажусь.

Всеволод Александрович жестом предложил Илье расположиться в кресле у небольшого стеклянного столика на узорчатой бронзовой ножке. Достал из бара виски и разлил по бокалам. Сам же разместился в кресле напротив.

– Такого виски вы нигде больше не попробуете, – с гордостью произнёс он, любуясь на свету содержимым бокала. – The Macallan Fine & Rare Vintage 1926 года... Чудесное послевкусие! Я ранее предпочитал вино, но, попробовав этот напиток, был очарован. Воистину хорош!

Илья сделал глоток. Раньше он любил побаловать себя дорогими напитками, но они не шли ни в какое сравнение с тем, что журналист отведал сейчас.

– Да-а-а... – вновь немногословно выразил свои впечатления Илья.

Реболаров улыбнулся.

– С вашего позволения, Илья Дмитриевич, я предложил бы вам слегка скорректировать программу путешествия. Дело в том, что я хотел бы обратиться с небольшой просьбой. Уверен, для вас она не станет слишком обременительной, а я в знак признательности возьму на себя все расходы по вашей поездке, – он смотрел на Илью спокойным уверенным взглядом.

– Я с удовольствием готов вам помочь... – журналист запнулся, – если, конечно, смогу.

– Уверен, сможете. Дело действительно пустяковое, – Всеволод Александрович наполнил бокал Ильи. – Но для меня оно важно, вы же производите впечатление надёжного человека.

– Вы меня переоцениваете.

– Не скромничайте, Илья Дмитриевич. Я наводил о вас справки – уж извините меня за это, но я человек деловой и не люблю доверяться случаю.

Илья сделал ещё глоток и растерянно посмотрел на шефа:

– Но... дело в том, что я сейчас нахожусь не в самой лучшей форме.

– Я владею этой информацией, но не совсем разделяю общего мнения. Вы просто утомились, погрязнув в освещении социальных проблем общества. Вам не помешало бы сменить тему, и моя просьба как раз-таки предоставляет такую возможность – она касается истории, – Всеволод Александрович непринуждённо откинулся на спинку кресла.

– Истории? – Илья удивлённо вскинул брови. – Но я не специалист в этой науке.

– История как наука – если её вообще можно называть наукой – меня не волнует. Мне, скорее, интересны исторические ценности. У каждого есть маленькие хобби; я, например, коллекционирую предметы старины. Вы же обратили внимание на обстановку моего кабинета? Так вот, здесь нет ни одной подделки – только подлинные вещи. Мне, знаете ли, отрадно прикасаться к древним артефактам – они придают некую уверенность в завтрашнем дне... Не терплю шаблоны и стереотипы. Не прельщают меня и стандартные схемы, на которых основывается современный бизнес. Мои проекты всегда авантюры и порой доставляют немало хлопот, но согласитесь, что быть уникальным довольно приятно. Возможно, потомки отнесут мои заслуги к разряду необъяснимых исторических парадоксов... Полагаете, я тщеславен? – Реболаров смаковал виски, предвкушая реакцию Ильи на свои откровения.

– Я думаю, все люди отчасти тщеславны – такова наша природа. Но я не вижу ничего плохого в коллекционировании исторических раритетов, – спокойно ответил журналист.

Вторая порция спиртного заметно расслабила Илью – головная боль проходила, настроение выравнивалось.

– Превосходно! Превосходно, что вы придерживаетесь именно такого мнения. Мне кажется, вы не из тех, кто привык ставить штампы. Люди вашего типа предпочитают воздерживаться от оценок, и это качество мне весьма импонирует. Возможно, поэтому я и обращаюсь именно к вам, – последнюю фразу бизнесмен произнёс чуть тише, словно раскрывая секрет.

– И всё-таки, думаю, вы меня переоцениваете. Я не так давно перестал ставить штампы. Возможно, это временно...

Илаев сидел в кресле, распластав руки на широких подлокотниках и положив ногу на ногу. В дополнение к виски и лестным словам, сейчас ему не помешала бы хорошая сигара.

Всеволод Александрович сделал движение рукой в воздухе, будто отмахиваясь от слов журналиста.

– Совершенно естественным путём – путём проб и ошибок – вы пришли к своему выбору. И это замечательно! Умудрённые жизненным опытом люди в какой-то момент осознают, что максимализм суждений – путь в никуда. Именно это осознание дарит возможность беспристрастно оценивать действительность и творить подлинные шедевры. Человек начинает создавать не для определённой группы, мыслящей предвзятыми категориями, а для всего человечества. Вы меня понимаете? У вас впереди совершенно иная жизнь – свободная от предрассудков и не зависящая от социальных стереотипов.

Если бы Илаев был котом, то замурлыкал бы от удовольствия.

Последнее время журналист считал, что больше ни на что не способен, но Реболарову за несколько минут почти удалось убедить его в обратном. Неожиданно для себя Илья согласился с мнением шефа: действительно, он стал мудрее, некоторые вещи утратили для него прежнюю ценность, что и породило ощущение неудовлетворённости. Илаев просто перерос уровень закоряченного издательства, и теперь ему требовались новые горизонты.

Эти мысли перенесли Илью в мир очарования и перспектив. Стоило ему прикрыть веки, как он тотчас же увидел себя в образе уважаемого господина, выступающего за кафедрой на крупной конференции. Слушатели – все до единого – мечтали заполучить его автограф или удостоиться минутки внимания мастера жанра. И потом... потом...

Илаев открыл глаза. Реболаров снова стоял у окна в своём кабинете, заложив руки за спину. Виски на столе не было.

– Всё хорошо, Илья Дмитриевич? – он повернулся лицом к Илье. – Мне показалось, что вы, прошу прощения за прямоту, задремали. Я не стал беспокоить. Как вы себя чувствуете?

Илья чувствовал себя великолепно. Голова была ясной и трезвой. Он даже не испытывал неловкости за минутную отключку. От похмелья не осталось и следа, впрочем, как и от угрюмого настроения, мучавшего его в последнее время.

«Мистика!» – подумал про себя журналист, а вслух произнёс:

– Простите, я немного ушёл в себя.

– Не страшно. Вы наконец-то расслабились, а то были так напряжены. Надеюсь, теперь мы можем перейти к делу?

– Да, конечно, – поспешно ответил Илаев.

– Видите ли, Илья Дмитриевич, как я уже сказал, меня интересуют предметы старины. Я инвестирую крупные средства на организацию различных археологических экспедиций. Недавно я получил любопытную информацию с острова Крит: там обнаружили древний артефакт – книгу, которую написал Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина, более известный под именем Авиценна. Его труды изучаются давно, но этот до сего дня считался утраченным. А многие учёные полагали, что «Книга жизни», в отличие от «Книги исцеления», «Книги указаний и наставлений», или «Книги знаний» – вымысел, и её вовсе не существует. Признаюсь, я до недавнего времени разделял их мнение, однако пять дней назад мне сообщили, что найдена именно эта рукопись. Я распорядился доставить её в Москву, но, увы... книга пропала.

То, что находка не покинула остров, сомнений не вызывает, но поиски исторической реликвии могут осложниться противоборством со стороны греческих властей, которые крайне ревностно относятся к ценностям, обнаруженным на их территории. Я, конечно, могу нанять детективов – профессионалов в своём деле, – но уверен, их немедленно выдворят из страны, как только узнают о предмете их интереса. А вы – журналист, довольно известный в России; вы когда-то освещали криминальную хронику, и имеете некоторое представление о методах работы следственных органов. Но главное, присутствие прессы не вызовет никаких кривотолков. А если и вызовет, то выставить из страны представителя СМИ крайне хлопотно. Европа, понимаете ли! Свобода слову!

Мозг Ильи работал как хороший компьютер, переваривая информацию и настраиваясь на выполнение задачи.

– Так вы готовы мне помочь? – поинтересовался Всеволод Александрович.

– М-м-м... – Илья намеревался уточнить сроки поездки, но Реболаров прервал его:

– Пятьдесят тысяч.

– Простите? – не совсем понял журналист.

– Размер моей благодарности составит пятьдесят тысяч евро вне зависимости от того, предоставите вы мне точную информацию о местонахождении книги, или же её поиски не увенчаются успехом. И, повторюсь, я полностью возьму на себя оплату проживания, перелёта

и всех текущих расходов. Если же вам удастся доставить книгу в Москву, сумма значительно возрастёт.

– Немного странные условия, – Илаев потёр двумя пальцами переносицу. – Вы заплатите мне деньги в любом случае – не зависимо от результата?

Реболаров улыбнулся:

– Я же сказал, это личная просьба. А гонорар – всего лишь благодарность за потраченное вами время отпуска. К тому же, мне думается, издательству уже давно пора отблагодарить столь ценного сотрудника за верную службу на протяжении долгих лет. Так что, можете считать, я компенсирую свои расходы.

Торжественно произнесённая последняя фраза совершенно обезоружила Илью. «Да, умеет шеф делать предложения», – подумал он про себя и кивнул в знак согласия.

Всеволод Александрович выглядел удовлетворенным.

– Отлично! И ещё... я бы попросил вас никому не распространяться об истинной цели поездки. Не хочется, чтобы завтра все сотрудники обсуждали мою слабость к предметам старины...

4

В приёмной преданный бизнесмену секретарь с лицом ангела и выправкой штабного служащего, чётко, без лишних слов, снабдила Илью информацией о предстоящем авиарейсе и контактами, которые могли пригодиться в поездке. Также Елена посвятила журналиста в некоторые подробности исчезновения книги и подкрепила его дух вручённой кредитной карточкой.

История пропажи документа не впечатляла информативностью. Обнаружили книгу в пятнадцати километрах от Ираклиона – в старой церкви, рядом с которой велись раскопки древнего поселения. Двое российских и один греческий эксперт с большой вероятностью идентифицировали её как «Книгу жизни», принадлежащую перу Ибн Сины. Рукопись хранили в небольшом сейфе на месте археологических работ, откуда спустя несколько дней она благополучно и исчезла. Никаких видимых следов взлома не осталось, конкретных подозреваемых тоже не было. Единственное, что Елена с уверенностью утверждала – то, что книга до сих пор на находится на Крите. Откуда у неё взялась такая уверенность – секретарь предпочла умолчать.

В общем, негусто для начала расследования.

Сергей шмелём крутился вокруг Илаева, норовя разузнать, о чём велась беседа с шефом. Так и не получив вразумительного ответа, он разочарованно протянул:

– Ладно, я понимаю. Больше не стану мучить – знаю твою порядочность. Отдыхай, расслабляйся, – редактор поправил очки и добавил: – если время останется.

Ровно за три часа до вылета такси подкатило к аэропорту Домодедово. Раскалённое солнце ещё немилосердно шпарило, и только лёгкий ветерок приятно обдувал вымученное июльским зноем тело. Илья, с большой дорожной сумкой наперевес, остановился перед входом в здание и закурил сигарету, прокручивая в голове события сегодняшнего дня. Впервые за долгое время он чувствовал себя окрылённым и готовым к свершениям. Реболаров за полчаса сделал то, чего Илаеву не удавалось на протяжении последних нескольких лет. Он вновь пробудил в журналисте веру в себя, подвинул к активным действиям и растормошил его заснувшее чувство собственной нужности.

Илья настолько проникся словами шефа, что был готов взяться за любой материал, за любую работу. И лишь где-то в глубине его души затаилось неприятное подозрение, что эмоциональный всплеск может вскоре иссякнуть, уступив привычное место ощущению тоски и полной бессмысленности.

В аэропорту, как обычно, было многолюдно. Народ суетливо перемещался по залу, катая за собой чемоданы и сумки. Время от времени монотонный голос объявлял начало регистрации на тот или иной рейс. Илья сдал багаж, получил посадочный талон, прошёл паспортный контроль, и, наконец, добрался до зоны ожидания вылета.

Как любой нормальный турист, он первым же делом посетил магазин беспошлинной торговли, где и поинтересовался у консультанта:

– У вас есть в продаже виски The Macallan Fine & Rare Vintage 1926 года?

Приятная девушка-консультант сперва удивлённо, а затем кокетливо посмотрела на Илью.

– Извините, но такого виски у нас нет, – ответила она, чуть смутившись.

– А жаль, – рассеянно произнёс Илья, продолжая изучать ассортимент спиртного.

– Может быть, я могу предложить вам что-нибудь ещё?

– Благодарю, не нужно.

– Тогда... желаю вам приятного полёта.

Илья как-то странно кивнул головой, словно ему пожелали чего-то непристойного, не отрывая при этом взгляда от полок с алкогольными напитками.

– Такой виски вы сегодня нигде не купите.

Журналист вздрогнул – ему показалось, что голос за спиной принадлежит Реболарову. Он резко оглянулся. На месте консультанта стоял немолодой мужчина в белой майке с надписью «Я люблю летать», белых парусиновых брюках и с дорожной сумкой на плече.

– Но я сегодня это уже пил, – не без гордости в голосе поведал Илья своему собеседнику.

– О! – незнакомец выказал восхищение и удивление одновременно. – Мало кому посчастливилось отведать этот напиток в наше время. В 1986 году была разлита бочка шестидесятилетней выдержки – из неё получилось всего сорок бутылок. Вы, наверное, большой любитель редкостей, если можете себе позволить приобрести такую роскошь.

Теперь настала очередь Илаева удивиться услышанному.

– Дело в том, что меня угостили... – он задумался, как правильнее представить Реболарова, – мой... мой работодатель.

– О-о-о! – Незнакомец всплеснул руками. – По всей вероятности, вы очень ценный сотрудник! Разрешите представиться – Михаил Бештеров, – и он почтительно склонил голову.

– Илаев – Илья Илаев, – журналист протянул ладонь для рукопожатия.

– Может быть, по чашечке кофе? Или виски? – непринуждённо предложил Михаил.

– С удовольствием.

Они расположились в одном из ресторанчиков зоны ожидания на третьем этаже здания.

– Простите за любопытство, но мне кажется, вы летите один. Командировка, отпуск?

– Пытаюсь совместить, – отшутился Илья. – Я пишу статьи, готовлю репортажи, поэтому постоянно нахожусь на боевом посту.

– Илаев... Илаев... – Михаил внимательно посмотрел на Илью. – Ну конечно – журнал «Страна»! Простите старику забывчивость; хорошо знаком с вашими работами. Весьма впечатляют! Насколько мне известно, господин Реболаров проявлял интерес к вашему издательству?

Илья застенчиво улыбнулся: слишком много лестных слов на сегодня.

– Всеволод Александрович теперь владелец компании. Собственно, он и угостил меня сегодня этим редкостным виски. – Илья откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

– О! Господин Реболаров знает толк в дорогих вещах. Много лет назад я имел общие интересы с Всеволодом Александровичем, но он так быстро взлетел...

Михаил с сожалением вздохнул и извлёк из сумки металлическую фляжку – небольшую, граммов на двести, обтянутую коричневой кожей с тиснёным кругом на обеих сторонах.

– Разрешите и мне вас угостить... не будете разочарованы, – он поставил на стол две металлические рюмочки, украшенные аналогичным символом, и разлил содержимое фляги. – За удачный отпуск!

Илья поднял рюмку, поднёс к губам. Этот запах ни с чем нельзя было спутать! Он недоумённо посмотрел на Михаила.

– Да-да, Илья, именно двадцать шестого года! Вам сегодня благоволят звезды.

Сделав глоток, Илаев вновь ощутил необыкновенный прилив бодрости.

– Удивительный виски!

– Несомненно! А вы – удивительный человек, если за один день умудрились отведать его дважды, причём в совершенно разных точках города, – Михаил с нескрываемым любопытством наблюдал за Ильёй. – Возможно, это знак! Вы верите в судьбу?

Илья задумался...

– И да и нет... Наверное, у каждого есть предназначение, но какое? В любом случае, мы самостоятельно выбираем путь.

– Интересное мнение, – Михаил наполнил рюмки. – Значит, цель есть, а путь к цели неизвестен? А если в процессе пути цель изменится? Ну, скажем, мечтает человек о славе, деньгах, успехе, а в один прекрасный момент что-то происходит, и он понимает: есть и другие ценности – любовь, семья, спокойствие. Разве в жизни мало подобных случаев?

Илья снова задумался. Его не покидало ощущение дежавю, начинающее немного напрягать.

– Значит, по-вашему, первоначальное устремление – всего лишь средство достижения основной цели, пока ещё неосознанной? – потирая лоб в попытке снять напряжение, спросил Илья.

– Очень хорошо! В точку! – удовлетворенно ответил Бештеров.

«Господи! – подумал про себя Илаев. – Да он говорит, как Реболаров: те же интонации в голосе, тот же стиль речи, те же философские рассуждения... Да ещё и тот же раритетный винтажный виски!»

Илье на мгновение показалось, что он сидит в кабинете олигарха, и всё, что происходит вокруг – просто сон. Журналист даже потряс головой, чтобы избавиться от наваждения.

– Простите, кажется, я занимаю вас темой, не достойной человека, отправляющегося на курорт.

– Всё хорошо, – пробубнил журналист, вставая с места, – я сейчас вернусь.

Илья быстрым шагом направился в сторону туалета. Зайдя внутрь, он подошёл к раковине, открыл холодную воду, подставил под неё вспотевшие от волнения ладони, а затем несколько раз омыл лицо.

«Ничего, ничего... Скоро я буду на острове. Буду купаться, загорать, знакомиться с хорошенькими девушками. Я просто перебрал вчера», – успокаивал он своё отражение в зеркале.

Вернувшись за стол, Илья не обнаружил ни фляги, ни рюмок. Вместо них стояли две чашечки ароматного кофе.

– Я взял на себя смелость сделать заказ. Надеюсь, вы не против? – поинтересовался Михаил, продолжая сверлить журналиста пытливым взглядом.

– Нет, не против! Кофе – то, что сейчас нужно.

Состояние взволнованности исчезало также быстро, как и появилось.

– Так куда же вы направляетесь, если не секрет? – Бештеров тактично сменил тему разговора.

– На Крит.

– На Крит? Надо же – я тоже туда лечу.

Илья улыбнулся. Новость о том, что Михаил будет его попутчиком в полете, не сильно обрадовала, но и не сильно расстроила. Что-то в нём было приятное, внушающее доверие и

располагающее к общению. Мысль же о его схожести с Реболаровым была списана на вчерашнее веселье и творческую мнительность.

5

Илья всегда боялся летать. Он перепробовал массу способов, пытаясь избавиться от тревожных ощущений, но ни один из них не увенчался успехом. И даже если предполётное волнение на короткое время отступало, то непременно накатывало новой, ещё более мощной волной, стоило журналисту оказаться на борту самолёта.

Предубеждения человека сломить довольно сложно. Замкнутое пространство огромного летательного устройства, которое вот-вот оторвётся от земли – и это при отсутствии стоп-крана и средств экстренной эвакуации – вселяет ощущение беспомощности и безысходности. Илаев чувствовал себя загнанным в ловушку, из которой, что случись, не было шансов выбраться. Даже статистика, утверждающая, что утонуть в собственной ванне куда более вероятно, чем стать жертвой авиакатастрофы, успокаивала слабо. И все же Илья летал, и делал это довольно часто. Экономия времени всегда оказывалась важнее потрепанных нервов.

Устроившись в кресле лайнера, журналист припомнил недавнюю беседу с шефом и в полной мере проникся смыслом его слов: принцип «сколько» сегодня стал гораздо важнее, чем «как». «Действительно, – подумал он, – почему я не выбрал поезд или корабль, например? Куда я тороплюсь, пользуясь при этом не самым приятным способом перемещения? Зачем?»

Ответа не было, зато существовало оправдание: сегодня все так поступают. Но этот аргумент оказался малоубедительным, и Илья, в присущей ему манере критически оценив ситуацию, окончательно согласился с Реболаровым: сегодняшняя жизнь мчится на бешеных скоростях. Большинство людей перестаёт обращать внимание на промежуточные станции. Сконцентрировавшись лишь на цели, мы полностью игнорируем сам процесс её достижения, упуская из виду всё прекрасное, что может повстречаться на пути.

Даже гипотетический риск опоздать, не успеть, приводит человека в состояние растерянности и тревоги. Интернет и телевидение молниеносно разносят информацию о том, что сейчас актуально и престижно, и, уже не задумываясь, кем продиктованы наши желания, мы торопимся поступить по примеру большинства. Личностные особенности и предпочтения уходят на второй план, уступая место общественным нормам и правилам.

Мало кто готов пожертвовать временем и провести несколько дней в поезде, если расстояние в тысячи километров можно преодолеть за считанные часы, пусть и тягостного полёта. А упущенные детали – леса и поля, озёра и реки, страны и города, и даже случайные попутчики – не являются конечной целью и не представляют никакого интереса. Нам кажется, что чем больше достигнуто целей – тем больше впечатлений будет получено. Вот почему мы отдаём предпочтение коротким, но частым путешествиям, автомобилям эконом-класса на пару-тройку лет, несметному количеству дешёвых вещей, чуть ли ни ежедневно скупаемым в супермаркетах – маленьким радостям, возможно, вытесняющим одну большую. Восприятие жизни становится сегментарным и теряет свою целостность.

Илаев снова загнал себя в уныние, и все приятное, произошедшее за день, растворилось, как туман в летний день. Тем временем, Бештеров проявил инициативу и поменялся местами с соседом журналиста. Теперь они сидели рядом.

Самолёт начал маневрировать на взлётной полосе, и Илья, вжавшись в спинку кресла и закрыв глаза, стал читать про себя «Отче наш» в очередной попытке обмануть страх.

– Вы боитесь летать?! – удивился Михаил, когда лайнер приготовился к взлёту.

– А вы? – вопросом на вопрос нервно ответил журналист.

Вместо ответа Михаил гордо указал на надпись на своей майке – «Я люблю летать!»

– Вам тоже не будет страшно, – заверил он, дружески похлопав Илью по плечу. – Уверен, сегодня ваш день. Не стоит портить впечатление пустыми переживаниями.

– Скорее всего, так оно и есть, – Илья вымученно улыбнулся. – Всего лишь мои глупые наваждения.

По опыту предыдущих перелётов, он приготовился к десяти-пятнадцати минутам неприятных ощущений, которые придётся перетерпеть, пока самолёт набирает высоту и ложится на курс. После этого можно будет немного расслабиться – волнение хоть и не отступит полностью, но станет относительно терпимым.

Так было всегда, но не в этот раз! Когда огромная машина оторвалась от земли, Илаева охватило неудержимое желание посмотреть в иллюминатор. Ему вдруг стало до крайности интересно увидеть удаляющуюся поверхность земли, уменьшающиеся в размерах здания и деревья, и вообще, всё происходящее за бортом. Илья не испытывал страха – даже лёгкой тревожности. Вид из иллюминатора чудесным образом завораживал.

Журналист восхищенно наблюдал, как пространство с каждой секундой расширяет границы, превращаясь в грандиозное живописное творение великого мастера. Неровности и шероховатости исчезали, и всё вокруг по мере уменьшения обретало правильные и отчётливые формы, открывая взгляду глазу безграничную неведомую реальность.

– Вот видите, – Михаил довольно сощурился, – как многого мы не замечаем из-за глупых фобий.

– Вы... гипнотизёр? – Не в силах скрыть своей радости, Илья походил на ребенка, впервые оказавшегося в огромном магазине игрушек. – Нет... Вы волшебник?

– Почему бы и нет? – улыбнулся Бештеров.

Илья в шутку погрозил ему пальцем, давая понять, что давно не верит в сказки.

– Может быть, коньячку? – заговорщически и предложил Михаил.

– А что, виски больше нет? – в тон собеседнику поинтересовался Илья.

– Я не люблю виски, – Бештеров поморщился, демонстрируя неприязнь, и достал из сумки ту же фляжку с изображением круга на коричневой коже.

Илья снова шутя погрозил пальцем, однако сделав глоток, он убедился – действительно коньяк. Хороший коньяк, длительной выдержки.

– Я понял! – расхохотался Илаев. – Вы фокусник, иллюзионист!

Бештеров покачал головой.

– Скорее, я врач – специалист по душевным расстройствам, – ответил он.

Илья понимающе кивнул, будто специальность собеседника объясняла происходящие чудеса. Он снова перевёл взгляд на безбрежные просторы. Теперь перед журналистом открылись заоблачные горизонты. Он не мог оторвать глаз от белой пелены, укрывающей собой привычный мир; очевидно, она была мягкой и приятной на ощупь. Низкий, раскалённый докрасна солнечный диск окроплял белую пустыню оранжевыми бликами.

Красиво!

Илаеву подумалось, что если в рукописи, за которой он послан, есть иллюстрации, то они непременно должны быть похожими на картину, которую он сейчас созерцал через иллюминатор.

– Михаил, а вы знакомы с трудами Авиценны?

Бештеров неопределенно пожал плечами:

– Отчасти. Что вас конкретно интересует?

– «Книга жизни», – Илья не сводил глаз с оранжевого отлива бескрайней пелены за бортом самолёта.

– Я слышал эту легенду. – Бештеров свёл брови, отчего на его лбу образовались глубокие бороздки морщин. – Ибн Сина написал более пятисот трудов, но нас дошли только двести сорок. Три из них считаются основополагающими: «Книга исцеления», «Книга указаний и наставлений» и «Книга знаний». Эти рукописи включают в себя исследования в области логики, математики, медицины, философии, естествознания, и даже метафизики. Надо заме-

туть, что познания Авиценны не ограничивались перечисленными мною науками. Он также изучал геологию, химию, литературу, увлекался поэзией, и, бытует мнение, проявлял интерес к мистике. «Книга жизни», написанная на исходе земного пути, якобы представляет собой венец всех его творений. В ней Ибн Сина подводит итоги накопленных знаний и, по легенде, открывает миру рецепты исцеления абсолютно ото всех болезней – в том числе и душевных, – а некоторые утверждают, что труд затрагивает вопрос бессмертия. Но общепризнанного научного подтверждения существования «Книги жизни» нет, хотя её периодически находят то в средней Азии, то на Тибете, то в Северной Африке, то в Индии. Насколько я знаю, недавно обнаружили в Греции, но, увы, все эти находки не имели ничего общего с трудом Ибн Сины. Надеюсь, ваша поездка не связана с этим событием?

Удивительная осведомлённость случайного попутчика, равно как и его неожиданный вопрос, застали Илью врасплох.

На секунду замешкавшись, он всё же решил сказать правду:

– Именно так.

– Господин журналист, на протяжении последней тысячи лет многие поколения, как давно почившие, так и ныне здравствующие, искали эту рукопись – точно так же, как ищут останки Платоновской Атлантиды, – Бештеров сидел в кресле, задумчиво глядя перед собой. – Но за всё это время не было обнаружено ни единого веского подтверждения существования «Книги жизни».

– Выходит, моё путешествие бессмысленно?

– Отнюдь, – Михаил покачал головой. – Если существует легенда – есть и прецедент, её породивший. Дыма без огня не бывает, хотя современная наука порой доказывает обратное. Если бы не настойчивость сэра Эванса, Кносский дворец по сей день оставался бы в числе непознанного, порождая новые мифы.

– Вы увлекаетесь историей? – спросил Илья.

– Я уверен, что она есть, – философски ответил Михаил.

Предостережение

Последнее время Мелиор любил уединение. Он взбирался на вершину самой высокой горы и подолгу сидел, погружённый в глубокие раздумья. Плотная завеса облаков отделяла его от ненавистного мира, населённого слабыми лицемерными созданиями, способными в одночасье изменить собственные взгляды на сущее. Именно такими представлялись они Мелиору.

– Ты снова грустишь, брат мой?

Создатель стоял за его спиной и смотрел вниз на белые лёгкие облака. Его появление всегда радовало Мелиора. Спокойный певучий голос Создателя ласкал слух.

– Ты вновь и вновь пытаешься запутать себя, – Творец коснулся его мускулистого холодного плеча, отчего Мелиор вздрогнул.

– Ты ошибаешься на их счёт, и я докажу тебе это, – прохрипел демон, сверкая глазами так, словно собрался испепелить мир у подножья горы.

– С радостью признал бы свои промахи. Но... будь осторожен: ты можешь нарушить и без того хрупкое равновесие в своём мире.

– Так запрети мне!

– Я не творю запреты – могу лишь предостеречь тебя от новых мытарств.

– Твоё благородство сводит меня с ума. Неужели сложно просто вразумить? – воскликнул Мелиор.

– Я и так дал тебе полную свободу и абсолютную возможность разобраться в себе, но ты упрямо пытаешься уйти от порядка вещей. Твой мир может рухнуть. А вразумить себя в состоянии только ты – сам.

– Если мой мир погрязнет в хаосе, ты спасёшь их? – этот вопрос демон задал почти шёпотом, брезгливо разглядывая обитателей своей империи, суесящихся внизу в поисках истины.

– За целую вечность ты так и не смог уяснить главного: моего участия для спасения не требуется ни тебе, ни тем, кто с тобой. Вам нужно лишь захотеть, и это исполнится немедленно.

– Опять твоё вселенское непостижимое великодушие, – Мелиор, как обезумевший, затряс головой.

Создатель глубоко и печально вздохнул.

– Ты задумал великое лукавство, Мелиор, но ты не обретёшь покой, исполнив свой замысел. Посмотри, как прекрасен твой мир – сколько в нём любви и сострадания, сколько добра и красоты! Вы все при желании могли бы вернуться и занять прежние места в созданной мной вселенной. Эх, если бы не твоё упрямое заблуждение...

– А ещё в этом мире полно ненависти, жадности, злобы и зависти, – Мелиор цинично осклабился.

– Это всего лишь отражение твоих чувств, – с сожалением изрёк Создатель. – Неужели ты не хочешь избавления для себя и для них?

– Я хочу! Хочу! Хочу!

Мелиор метнулся ввысь, разносясь грозой по небосводу, поднимая безудержный ветер, черня белоснежные облака и превращая их в темные тяжёлые тучи, готовые извергнуть на землю всё его негодование, чтобы смыть презренный мир.

– Бедный мой брат. Заблуждение не даёт тебе покоя, – Создатель провёл рукой вдоль линии горизонта, и чёрные тучи стали рассеиваться.

– Мне не нужна забота! – Мелиор опустил на гору. – Я сам знаю, что заставляет меня страдать! Видеть тебя – это мука, чувствовать твою любовь – мука, идти против твоего замысла – мука, но для меня она сладка. Ты не желаешь карать тех, кто не достоин тебя – тех, кто презирает твои правила. Они – лицемерные твари, позабывшие о тебе. Твоя безмерная безусловная любовь мне непонятна. Ты даже наказываешь свободой... хотя прости, тебе неизвестно слово «наказание». Мне не нужна твоя истина – я лучше сгину в хаосе, нежели приму твой порядок.

– И все же я буду ждать твоего возвращения...

– Я не вернусь! А если этому и суждено будет случиться, то тебе придется признать своё поражение, а значит, и мою победу!

В тот момент Мелиор был особенно горд собой. Он ждал ответ на дерзкий вызов, но... Создатель, как обычно, лишь улыбнулся и покинул гору. Мелиор долго смотрел ему вслед. Творец всегда исчезал неожиданно, оставляя недосказанным самое главное.

– Жалеет меня, – скривившись, простонал Мелиор. – Пришёл предостеречь. Неужели он действительно безупречен? Тогда почему же я не могу принять истину? Почему он не хочет объяснить, почему? А коль так... – Мелиор вобрал в грудь воздух и прогремел вслед Творцу: – Пусть всё остается, как есть!

Расправив широкие черные крылья, он кинулся вниз со скалы, разрезая плотную завесу облаков, устремляясь в самый центр столь ненавистного и одновременно неудержимо манящего мира.

6

Когда самолёт заходит на посадку в аэропорту города Ираклион, до последнего момента сохраняется впечатление, что он опускается на воду. Взлётно-посадочная полоса упирается в омываемый Критским морем скалистый берег, и из иллюминатора маневрирующего в воздухе лайнера с разных ракурсов открывается переливчатая водная гладь. Но вот резкий свист шасси, лёгкая встряска от соприкосновения с землёй, дребезжание колёс, тяжёлый гул реверса и аплодисменты пилоту.

– Наш самолёт совершил посадку в аэропорту Никос Казантзакис города Ираклион, – монотонно провозгласил пилот. Сообщив также местное время и температуру воздуха за бортом, он пожелал пассажирам приятного отдыха.

Илья с Михаилом покинули лайнер. Получив багаж и соблюдая все необходимые формальности, они вышли из здания аэровокзала.

– Пора прощаться? – с сожалением в голосе произнёс Михаил. – Желаю вам найти вождельные ценности.

Илья с улыбкой протянул руку:

– До свидания, Михаил. Я действительно рад нашей встрече и уверен, она не последняя.

Они обменялись рукопожатиями.

– Что ж, успешных поисков и хорошего отдыха, – пожелал Бештеров. – Хотя совместить одно с другим... Но, уверен, у вас непременно получится!

– Я постараюсь, – Илья широко улыбнулся.

– До встречи, господин журналист.

Противоречивые желания разрывали Илаева надвое. Как любому нормальному человеку, оказавшемуся на курорте, хотелось, конечно, поскорее кинуть вещи в гостиничный номер, и несмотря на поздний час, рвануть к морю и окунуться в его солоноватые воды... Заглянуть в уютный ресторанчик, заказать хорошего вина и вкусной еды... Побродить по городу, который, призывно зажигая ночные огни, не собирался погружаться в сон до самого утра. Впитать его атмосферу беспечности, смешанную с духом истории, полюбоваться местными красотами и красотками, а если повезёт, то и завести курортный роман... Но профессионализм одержал верх в этой внутренней борьбе, и журналист, скрепя сердце, направился по указанному Еленой первому адресу.

Такси остановилось на узенькой улочке, типичной для старых прибрежных городков. Тротуаров на ней не было, а вымощенная камнем мостовая едва ли позволяла разъехаться двум легковушкам. Домики белого и светло-кремового цвета своим довольно неказистым видом выдавали окраину города. Илья подошёл к двери одного из них и постучал. Когда изнутри раздался вопрошающий голос, журналист объяснил, что пришёл к господину Синееву. Человек за дверью что-то прокричал, и уже через минуту на пороге предстал недовольный пожилой мужчина.

– Господин Синеев? – вежливо поинтересовался Илья.

Старик кивнул.

– Здравствуйте. Моя фамилия Илаев. Я представляю интересы господина Реболарова. Мы могли бы с вами поговорить?

– Проходите, – буркнул хозяин.

Переступая порог, Илья краем глаза заметил двух молодых людей славянской внешности, которые стояли метрах в ста ниже по улице и на удивление эмоционально восторгались пейзажами городской окраины.

«Тоже мне, нашли время и место для экскурсий», – хмыкнул про себя Илья и зашёл внутрь.

Убранство дома оказалось гораздо богаче его неприметного внешнего вида. Судя по всему, владелец был человеком зажиточным и всерьёз увлечённым историей. Об этом говорили многочисленные фотографии с мест проведения раскопок, впечатляющее количество древних ваз, скульптур и предметов быта, коллекция старинного оружия, развешенного на стенах.

Вместе с Синеевым Илья поднялся на второй этаж и проследовал в помещение, похожее на рабочий кабинет.

– Присаживайтесь, молодой человек, – старик указал на одно из плетёных кресел у журнального столика. Он подошёл к массивному бюро, извлёк из выдвижного ящика красную папку и положил её перед журналистом. – Это журнал раскопок, – с глубоким вздохом Синеев опустил её во второе плетёное кресло рядом с Ильёй. – Всеволод Александрович, вероятно, не очень доволен нашей деятельностью?

– Я не в курсе. Знаю только, что пропажа книги его удручает.

– Фу ты, ну ты! – старик хлопнул себя по сухим коленкам. – Опять они за своё. Говорил я этой девчонке, что она ошибается, но как же... Кто станет слушать Синеева? Синеев – старик! – и он снова в сердцах хлопнул себя по коленкам.

– Извините... м-м-м?

– Яков Исаакович, – буркнул Синеев.

– Яков Исаакович, так вы считаете, это не «Книга жизни»? – осторожно спросил Илья.

– Разумеется, нет! Но она была убеждена в своей правоте, а нанятые шарлатаны просто поддакивали ей, даже не удосужившись как следует изучить документ, – Синеев начал взволнованно раскачиваться в кресле.

– А почему вы так уверены, что это не та книга? – негромко, чтобы ещё больше не заводить старика, поинтересовался журналист.

– Да потому что этого не может быть! Книги жизни не су-ще-ству-ет! – Для пущей убедительности Яков Исаакович замахал рукой с вытянутым указательным пальцем.

– Выходит, это подделка? – пытался вникнуть Илаев.

– Я этого не говорил.

Илья даже отрыл рот от удивления.

– Как следует понимать ваши слова?

– Да очень просто! Это действительно рукопись того времени и, возможно, она имеет некоторое сходство с трудами философа, но даже не проводя детального анализа, я могу с полной уверенностью утверждать: это не «Книга жизни».

– Понимаю... А как же мнение экспертов?

– Молодой человек, – в голосе Синеева слышались нотки разочарования, – сенсация в наше время гораздо привлекательнее научного открытия.

– Зачем же тогда её похитили? – Илья начинал путаться.

– Именно поэтому и похитили, – теперь Синеев удовлетворенно хлопнул в ладоши и рассмеялся. – Чтобы не вскрылся обман! На этом мошенничестве можно заработать огромные деньги.

– Каким образом? – журналист проникнулся всё большим интересом к версии историка.

– Уверяю вас, какой-нибудь страстный коллекционер древних артефактов готов отвалить кругленькую сумму за так называемую «Книгу жизни». Мошенники! Мне жаль, что такая девушка оказалась заурядной аферисткой. А ведь я считал её перспективным учёным!

– Почему же вы не рассказали обо всём полиции?

– Я слишком стар для подобных игр, – с неподдельной грустью произнёс Синеев. – Конечно, моя репутация подпорчена из-за пропажи этой исторической ценности, но как бы то ни было, я остаюсь одним из лучших специалистов в своей области. Надеюсь, и дальше буду продолжать заниматься любимым делом. Мне ни к чему скандалы.

Илья поднялся с кресла, подошёл к окну. С моря дул ветер. Журналист вдохнул полной грудью солоноватый воздух. Посмотрел на улицу. Двое молодых мужчин продолжали любоваться незатейливой местной архитектурой.

– Скажите, Яков Исаакович, а ваш район представляет интерес для туристов?

– Да что вы! Есть, конечно, дома с историей, но боюсь, истории этих домов интересуют только местных сплетников, – Синеев улыбнулся своей шутке.

Илья присмотрелся к мужчинам:

«Господи, да может, они девушек ждут!» – пытаюсь избавиться от излишней подозрительности, журналист отошёл от окна и спросил:

– Яков Исаакович, а о какой женщине вы постоянно упоминаете?

– Историк из Голландии – Элеонора ван Голланд. Эта была её идея – начать раскопки в этом месте. Элеонора одержима идеей отыскать «Книгу жизни», – Синеев сухо рассмеялся. – Как видите, ей это удалось.

– А вы не могли бы помочь встретиться с госпожой ван Голланд и, если возможно, с экспертами, давшими положительное заключение по книге?

– Почему не помочь? – старик достал мобильный телефон. – Записывайте.

Илаев перенёс продиктованные номера историков в список своих контактов.

– И последнее, – журналист пристально посмотрел на Синеева. – Есть хоть малейшая вероятность того, что «Книга жизни», написанная Авиценной, действительно существует?

Яков Исаакович потёр рукой лоб и шумно выдохнул.

– Я учёный, и могу оперировать только фактами. А никаких фактов, подтверждающих существование этой рукописи, нет. Но... – старик многозначительно взглянул на Илаева, – факты, опровергающие её написание Ибн Синой, тоже отсутствуют.

– Но вы, же утверждаете... – начал было Илья.

– Я утверждал! – прервал его Синеев. – И буду утверждать! Для меня, как для учёного, книги не существует, пока нет фактов и убедительных доказательств обратного... А как для человека, которому свойственно ошибаться... – Синеев задумался. – В любом случае, наша находка «Книгой жизни» не является, и это неоспоримый факт!

7

Синеев не стал провожать Илью до двери. Он выглядел взволнованным и удручённым. Пожилые люди, имеющие твёрдые убеждения, всегда болезненно и ревностно относятся к своим воззрениям, и Илья это прекрасно понимал. Вежливо попрощавшись, он спустился к выходу. Молодой грек – по всей вероятности, помощник историка – что-то произнес на своём языке и учтиво кивнул головой.

– И вам всего хорошего, – ответил Илья и вышел на узкую улочку.

Вокруг никого – тишина и спокойствие. Илаев постоял минут пять, размышляя. Выкурил сигарету, огляделся и направился в сторону центра города.

Оказавшись на более оживленной улице, он остановил такси и объяснил водителю, что хочет разместиться в гостинице, желательно поближе к морю. Таксист с колоритной внешностью уроженца здешних краёв, энергично закивал.

Минут через пятнадцать машина остановилось у отеля, и водитель с чувством выполненного долга указал рукой на здание, а затем на счётчик таксометра. По мнению Илаева, это место больше походило на центр города, а близость моря вызывала большие сомнения.

– А до пляжа далеко? – недоверчиво поинтересовался журналист, и тут же получил поток информации на греческом языке.

Сообразив, что продолжать разговор бесполезно, Илаев грустно кивнул и достал кошелек. С натянутой улыбкой на лице и безобидными ругательствами на устах он направился в отель.

Спал Илья прекрасно. Без снов.

После завтрака он решил сделать несколько звонков и наконец-то отправиться на пляж.

Из разговора с Синеевым вытекало, что к лжедоказательству подлинности книги приложила руку некая Элеонора ван Голланд. Она представлялась Илье дамой в годах, довольно

упитанной, с маленькими бегающими глазками и неизменной сигаретой во рту – эдакой авантюристкой от науки, пытающейся правдами и неправдами обеспечить себе безбедную старость.

Из всего списка, предоставленного Синеевым, дозвониться получилось лишь до одного ученого, к счастью, проживающего в Ираклионе. Капризный научный муж назначил встречу через тридцать минут в таверне «Морская», чему Илаев не слишком обрадовался, так как долгожданное единение с морской пучиной снова откладывалось на неопределённый срок.

Ровно через полчаса Илья зашёл в таверну. Уютный зал практически пустовал: среди посетителей можно было заметить лишь молодую пару и худощавого грека с длинными седыми волосами, степенно поедающего жареную рыбу с овощами. Именно к нему и устремился искатель древних рукописей.

– Простите, вероятно, я с вами договаривался о встрече?

– Коста Симиниди, – сухо представился грек, не переставая жевать.

– Илья Илаев – журналист, – тем же тоном ответил Илья и, не дожидаясь приглашения, сел напротив.

– Так уж и журналист? – Симиниди смерил Илаева насмешливо-недоверчивым взглядом.

– Именно так. Я представляю несколько крупных московских издательств. Можете убедиться в этом, сделав запрос в интернете, – Илья состроил показательно серьёзную физиономию.

– Да ладно, – отмахнулся Симиниди. – У меня мало времени, так что спрашивайте.

– Я здесь по просьбе Всеволода Александровича Реболарова...

– Я знаю, кто такой господин Реболаров. Если бы не он, я вообще не стал бы с вами встречаться, – Симиниди подкрепил свои слова убедительным кивком.

– Тогда сразу к делу?

– Да, конечно. У меня действительно мало времени, – повторился учёный, продолжив трапезу.

Илья тяжело вздохнул, настраиваясь на трудную беседу.

– Вы подтвердили подлинность найденной рукописи, определив её как «Книгу жизни» за авторством...

Симиниди вновь резко оборвал Илаева.

– Я знаю, как я определил находку!

Многолетний опыт журналистской деятельности приучил Илью к терпеливой и сдержанной манере беседы, даже если собеседник – редкостный хам.

– Господин Синеев заявляет, что это не совсем верное заключение.

– При всём уважении, Яков не эксперт в этой области, – огрызнулся Симиниди.

– Но он уверен, что «Книги жизни» вовсе не существует.

Прекратив жевать, Коста сердито зыркнул на Илью. Грудная клетка учёного наполнилась воздухом. Илаев напрягся, ожидая извержения гневной речи, но...

– Видите ли, – неожиданно мягко заговорил грек, выпустив не пригодившийся воздух из легких, – с этим артефактом связано множество загадочных обстоятельств, а Яков полностью отрицает существование вещей, необъяснимых с научной точки зрения.

Илья понимающе кивнул, радуясь в душе несостоявшейся бури эмоций собеседника.

– То, что книга была написана, у меня лично не возникает никаких сомнений, – продолжил Симиниди, – тому есть документальные подтверждения. Конечно, можно отрицать и их подлинность, но... – учёный задумался, подбирая нужные слова, – греки несколько иначе относятся к истории. Сами понимаете, наше государство существует с тех самых времён, с которых эта наука ведёт летопись. Накопленные за тысячелетия знания и опыт нашего народа зачастую сокрыты в легендах и мифах. Так вот, если не воспринимать тексты буквально, то с их помощью можно делать большие открытия. Ибн Сина – по легенде, если вам угодно – после завершения работы над «Книгой жизни» запретил своим ученикам являть её людям. Он был

уверен – нам рано давать эти знания. Авиценна спрятал рукопись – спрятал у всех на виду. Человек, готовый впитать великую мудрость, сможет без труда найти её, но тот, чьи помыслы нечисты, не сумеет воспользоваться книгой, – Симиниди замолчал, приняв глубокомысленный вид, будто он лично получил наставления от великого философа. – Так вот... Когда придёт время, человек с чистой душой подарит людям сокровенные знания – так утверждает легенда.

– Вы верите в это? – аккуратно уточнил Илья

Коста загадочно растянул губы.

– За последние двадцать лет эту рукопись находили трижды, и трижды она исчезала абсолютно непостижимым образом. Первый раз книга пропала из палатки археологов через час после обнаружения вместе с глиняным сосудом, в который её запечатали – это было на Тибете. Второй раз – в Индии. Там произошла совершенно мистическая история. Находку аккуратно упаковали и немедленно отправили в аэропорт для транспортировки в Лондон. В машине находился водитель и сопровождающий. По дороге книга исчезла, – Симиниди вопросительно посмотрел на Илью.

– Водитель с сопровождающим вступили в сговор? – предположил журналист.

– Так подумали все, – грустно протянул Коста, – но печати не были нарушены.

– Почему вы считаете, что в Греции обнаружили именно эту книгу?

Симиниди скупно ухмыльнулся.

– Я три раза держал в руках один и тот же документ. Это я был в той машине, и могу заверить: ни я, ни мой спутник не прикасались к находке.

Илья потёр рукой лоб.

– Но книгу могли подменить, пока упаковывали?

– Могли, – безразлично произнёс Коста, – но речь не об этом. Я трижды в разных частях света держал в руках рукопись. Как вы считаете, могу я ошибаться? Поиски этого артефакта превратились в смысл моей жизни.

– А Синеев – он знает эту историю?

– Яков – убеждённый материалист. Он верит только фактам. А, как вы понимаете, фактов, достаточно весомых для научных кругов, нет, как нет для них доказательств небытия.

– А у вас? У вас есть доказательства? – с ноткой недоверия спросил Илья.

– У меня есть, – решительно ответил Коста, отставив пустую тарелку; он сделал пару глотков сока и вытер салфеткой рот. – Извините, но я и вправду тороплюсь.

Илья пришёл к выводу, что он не услышал ничего внятного ни от Синеева, ни от Симиниди.

Что за рукопись нашли в Греции? Действительно ли это «Книга жизни»? Да и вообще, существует ли она? Какая организация так ревностно оберегает секрет Авиценны? Ученики? Последователи? Тайный Орден? Может быть, Синеев прав, и дело лишь в деньгах? Умельцев делать деньги на тайне хватает, а чтобы она не стала явью, тайну нужно бережно хранить и умело прятать – особенно, если она вымышленная.

Симиниди вышел из таверны вслед за Илаевым и молча проследовал к припаркованному рядом джипу. Илья проводил взглядом угрюмого грека, все ещё размышляя о странной истории. «Эх, к чёрту тайны! – подумал журналист. – От них на такой жаре можно сделаться параноиком. Пора, наконец, повидаться с морем. Искупаюсь, освежусь – и голова станет яснее!», – решил он и направился вниз по улице.

Илья не успел пройти и ста метров, как громкие возгласы за спиной заставили его обернуться. У таверны, в которой журналист только что беседовал с учёным, рядом с джипом неподвижно лежал худощавый мужчина, и его длинные седые волосы были размётаны по тротуару. Прохожие уже начали собираться вокруг; одна из женщин пронзительно закричала:

– Это же Коста!

Илья быстро зашагал обратно, но дорогу неожиданно преградил «Ауди»-кабриолет, заехавший прямо на тротуар.

– Прыгай, живо! – скомандовала сидящая за рулем незнакомка, эмоциональными жестами зазывая журналиста в машину.

Илаев посмотрел на растущую вокруг Симиниди толпу. Вдалеке послышался вой сирены скорой помощи. Переведя взгляд на молодую женщину за рулём, он секунду помешкал и, не открывая дверцы, запрыгнул в кабриолет. «Ауди» сорвалась с места, взвизгнув шинами, развернулась и помчалась прочь с места происшествия.

8

Через десять минут загадочная спутница Ильи вывела машину в пригород Ираклиона. Журналист не понимал, зачем он вообще сел в автомобиль: то ли требования женщины были слишком настойчивы, то ли неординарность и неожиданность ситуации не позволили ему принять мало-мальски обдуманное решение.

Дорога, поизвивавшись между разрозненными пригородными строениями, плавно перешла в пологий горный серпантин, оставив за спиной центральный город острова, так и не успевший стать для журналиста курортным.

Илья молчал. Мысли в голове метались и кружились. Он не знал, что случилось с Костой, но хотелось думать, что это был обыкновенный обморок, случившийся из-за сильной жары, хотя...

«Неужели он умер? – Илья ужасался своему мрачному предположению. – Господи, да что за мысли?! Вероятно, ему стало плохо – человек-то немолодой. А может быть, приступ... какой-нибудь хронический недуг дал о себе знать».

– Ты что с ним сделал? – вопрос девушки заставил Илаева вздрогнуть.

– Я? – зачем-то переспросил журналист. – Мы просто беседовали. А когда вышли из таверны, я решил прогуляться к морю, но тут услышал крики и увидел Симиниди, лежащим на тротуаре.

– Это я и сама видела, – язвительно заметила водительница.

– Тогда что вас интересует? – Илаев не понимал себя. Он разговаривал с совершенно незнакомой женщиной, отвечал на её вопросы, позволял везти себя в неизвестном направлении, и даже не интересовался, в каком. – А куда мы, собственно, едем? – наконец, удосужился спросить журналист.

– Здесь недалеко – примерно с полчаса, – непринуждённо бросила незнакомка.

Получив исчерпывающий ответ, Илья тупо мотнул головой, и в разговоре снова наступила напряжённая пауза.

Девушка первой нарушила молчание:

– А ты молодец! Я бы даже сказала, настоящий мужик! Не истеришь, не задаёшь вопросов. Достоинно! Тебе действительно нет никакого дела, кто я?

Илья промолчал... А что можно было ответить на риторический вопрос?

В силу своей профессии, Илаеву нередко приходилось заниматься делами, изначально не предвещающими никаких неприятностей, но позднее оборачивающимися крупными проблемами. По опыту он знал, что лишние вопросы могут лишь усугубить ситуацию, посему иногда лучше не задаваться ими, а хорошенько подумать, выжидая подходящего момента.

– Интересная реакция, – она наградила Илью одобрительным взглядом.

– Так кто вы такая? – журналист старался изобразить равнодушие.

– Элеонора ван Голланд, историк, – глядя вперёд, она насмешливо улыбалась, – Удивлены?

Элеонора ошибалась. Илаев был не просто удивлён – он был ошарашен. Помимо того, что внешность ван Голланд абсолютно не соответствовала воображённому им образу, Илья

никак не ожидал, что историк будет вести себя на манер суперагента из какого-то блокбастера. Однако он старался не выдавать своей растерянности:

– И что же вы делали вблизи таверны и почему так оперативно предложили услуги такси?

– Следила за тобой, – ничуть не смущаясь, заявила Элеонора. – А когда Коста упал, а ты решил вернуться, подумала: объяснения с полицией – это не то, что сейчас нужно.

– Так вы считаете?..

Ван Голланд не дала Илье договорить.

– На кону большое открытие, а для некоторых – ещё и огромные деньги. В такой ситуации всякое может случиться. Я постараюсь в ближайшее время всё разузнать, а пока тебе лучше исчезнуть, – она на секунду задумалась. – Кто-нибудь знал, что ты встречаешься с Костой?

– Кроме вас? – саркастически уточнил Илья.

Элеонора усмехнулась.

– За полчаса до вашей встречи Симиниди позвонил мне и сказал, что журналист Илаев из Москвы хочет побеседовать с ним по просьбе Реболарова. Я решила понаблюдать за таверной. Всеволод Александрович, как ты понимаешь, не совсем доволен нашей работой, а он человек серьёзный и порой склонен к радикальным действиям. Будь ты причастен к внезапному обмороку Косты – не стал бы возвращаться, но раз уж бросился на помощь, как сестра милосердия, я поняла, что ты встречался с ним с другими намерениями.

– Вы так боитесь своего работодателя?

– Он для меня не совсем работодатель. Реболаров хорошо финансирует мои исследования. Я же, в свою очередь, помогаю ему в приобретении некоторых исторических раритетов. Скорее мы партнёры, – Элеонора натянуто улыбнулась, – если слово «партнёр» вообще применимо по отношению к Реболарову. По сути, он одиночка.

– Считаете, он может представлять для вас угрозу? – спросил Илья.

– Считаю, что всегда нужно быть начеку, особенно если дело пахнет большими деньгами; ведь ты здесь из-за исчезновения книги?

– Именно.

Она кивнула, подтверждая свою догадку.

– Ты не ответил, знает ли ещё кто-нибудь о вашей встрече с Костой? – отчётливо, чуть ли не по слогам, проговорила Элеонора.

– Если только Синеев – он поделился со мной контактами учёных. Но не уверен, что Коста и ему доложил о нашей договорённости. Кажется, они не очень ладят.

Элеонора рассмеялась.

– Яков Исаакович – милейший человек. Он не способен долго злиться на кого-либо, хотя вспылить может. Уверена, меня он окрестил воровкой или интриганкой.

– Мошенницей, – поправил Илья, улыбнувшись.

– Как мило, – Элеонора рассмеялась ещё пуще. – Яков Исаакович – раб науки, он не предполагает даже малейшего отклонения от регламента исследования.

– Наверное, это неплохо для ученого?

– Для администратора, может, и неплохо. А для учёного, скорее, нехорошо: кругозор сужается, творческий поиск и смелые гипотезы, без которых неизбежно развитие любой науки, становятся в один ряд с ересью. Учёный превращается в прокурора, рьяно защищающего установленные правила. Процесс останавливается, и исследования не ведут к открытию нового, а сводятся к подтверждению уже существующего. Если бы Коперник руководствовался этими принципами, ему бы и в голову не пришло строить теории, способные разрушить всеобщее представление о мироздании.

Элеонора в миг перевоплотилась из детектива в историка. Она заговорила, рассудительно, но в то же время, с долей творческой смелости.

Илья, наконец, внимательно рассмотрел свою спутницу. На вид ей можно было дать около тридцати, и лишь осведомлённость о статусе и достижениях Элеоноры ван Голланд вынуждала журналиста накинуть ещё несколько лет. Приятные правильные черты лица, очаровательная улыбка, обнажающая безупречно ровные белоснежные зубы. Её глаза скрывали солнцезащитные очки, а роскошные тёмно-русые волосы оплетал шёлковый платок, не позволяя им развеиваться на ветру. Лёгкое кокетливое платье нежно-голубого цвета с открытыми плечиками – явно не из супермаркета – подчёркивало все прелести её изящной фигурки. Словом, выглядела Элеонора исключительно здорово.

Живописные пейзажи горной дороги – узкие ущелья, крутые склоны, заросшие редкой низкой растительностью, периодические проблески Средиземного моря, чередующиеся со зданиями пляжных отелей – сменились пригородными улицами неизвестного населённого пункта, в который они въехали после часового путешествия.

Элеонора лихо управляла автомобилем. Время от времени она давила на клаксон, выразительно жестикую и выкрикивая эмоциональные реплики неловким участникам движения. Минут через десять они оказались на набережной. Слева сплошной стеной выстроились отели, рестораны и магазины; справа рябили разноцветные грибы пляжных зонтиков. Вскоре Элеонора свернула в проулок и на второй линии улиц припарковала машину у здания гостиницы.

– Здесь пока и остановишься, – деловито распорядилась она. – Отель неплохой, до моря три минуты. Размещайся, отдыхай. Мне не звони – я сама тебя найду.

Небрежным движением головы она дала понять Илье, что пора выметаться из кабриолета.

– Хорошо, – Илаев подхватил сумку, открыл довольно массивную дверь купе, и, выйдя на улицу, ещё раз внимательно посмотрел на ван Голланд. – Спасибо вам...

– Не за что, журналист, – оборвала она благодарности. – И хватит выкать, а то я чувствую себя старухой.

Илья хотел согласиться, но машина резко сорвалась с места и через несколько секунд скрылась за ближайшим поворотом.

Илаев осмотрелся: место, в котором он оказался, совершенно очевидно, было курортным. По тротуарам праздно прогуливались туристы в полупляжном одеянии. Вторая линия улиц, как и первая, была сплошь застроена отелями. «Интересно, что это за городок?» – подумал он, направляясь к указанному Элеонорой зданию.

Приветливая гречанка, изо всех сил пытаясь скрыть своё удивление странноватым вопросом гостя, с улыбкой объяснила Илаеву, что он находится в городке под названием Ретимно.

Элеонора была права: отель действительно оказался вполне достойным – просторный светлый холл с лёгким налётом греческого колорита, уютный номер, из которого за малоэтажными зданиями и буйно цветущими кустарниками поблескивало море. Илья принял душ, переоделся и без промедления отправился на пляж.

Расположившись на лежаке под огромным жёлто-зелёным зонтом, он скинул с себя шорты, майку и, словно озорной школьник, вприпрыжку побежал к морю.

«В прошлой жизни я точно был дельфином», – радостно думал Илья, наслаждаясь приятной солёной прохладой Средиземного моря.

Он плавал, нырял, лежал на спине звёздочкой, снова плавал и снова нырял. Вдоволь насытившись блаженными ощущениями водных экзерсисов, журналист вышел на песчаный берег, и с минуту погревшись под солнечными лучами, направился к своему зонтику. Он, наконец, занимался тем, чем и подобает заниматься человеку в отпуске, хотя воспоминания о Косте Симиниди, периодически накатывающие в такт морским волнам, несколько нарушали курортную идиллию.

«И почему я вечно и рисую себе всякие ужасы и предрекаю самый дурной исход? Может, Коста уже благополучно занимается своими раскопками после хорошего понюха нашатыря», – эти мысли, не иначе, навеянные беспечным морским воздухом, несколько успокоили Илаева. Он закурил и принялся рассматривать окружающих его курортников и куда более пристально – курортниц.

9

– Мистер Илаев? – милостивая гречанка, возникшая в дверном проёме его номера, вопросительно смотрела на Илью.

– Да. Чем могу быть...?

– Разрешите вам предложить, – и девушка протянула журналисту небольшой рекламный буклет.

Илья рассмотрел его: ресторан «Олимп» приглашал своих гостей отведать блюда греческой и европейской кухни, которые весьма аппетитно были изображены на рекламке.

– Благодарю. Это где-то рядом? – уточнил Илья.

– Да, – девушка быстро объяснила, как пройти до ресторана. Судя по её словам, заведение находилось буквально в двух шагах от отеля.

– Что ж, обязательно посетю. Ещё раз спасибо, – вежливо ответил Илаев.

– Приходите! – её карие глаза засияли. – Наши повара прекрасно готовят, а по вечерам в ресторане живая музыка.

Юная гречанка сделала книксен и удалилась.

Закрыв дверь в номер, Илья повертел буклет в руках и положил его на полочку перед зеркалом.

Несколькими часами ранее, вдоволь насладившись морскими и солнечными ваннами, а также яствами открытого пляжного кафе, разморённый Илаев вернулся в отель. Разлегшись на широкой кровати, он сам не заметил, как погрузился в крепкий послеобеденный сон, который и нарушил неожиданный визит рекламного агента из ресторана «Олимп».

– Вечный двигатель торговли, – пробормотал Илья, – нигде от него покоя нет.

Он посмотрел на часы.

«Ого! – стрелки показывали половину восьмого вечера. – Неплохо я подремал».

Илья спешно отправился в ванную комнату, где принял душ, гладко побрился, насухо вытерся большим белым махровым полотенцем, и, соорудив из него набедренную повязку, вышел на балкон. Ощущая лёгкий морской ветерок и нежные прикосновения лучей заходящего солнца, созерцая умиротворяющий южный пейзаж и отдыхающих, неспешно прогуливающихся по улочкам, Илья невольно задумался о планах на вечер. В тот момент ему не хотелось ни забивать себе голову поручением Реболарова, ни гадать о судьбе Косты Симиниди. Журналист решил отложить все дела до завтра, посвятив остаток дня исключительно отдыху и увеселению. Вот только мысли об Элеоноре не выходили из головы.

«Отчаянная женщина!» – с оттенком глубокого внутреннего восхищения подумал Илаев. Он намеревался дождаться в номере прихода Элеоноры, но, немного поразмыслив, засомневался, что она появится.

«Зачем ей это? Она и так из-за меня подставилась! Ведь если с Костой действительно произошло несчастье, то меня начнут искать вместе с сообщницей, которая помогла мне покинуть место происшествия», – Илья грустно вздохнул, но всё же решил посвятить ещё какое-то время ожиданию.

Журналист закурил. Думы об Элеоноре плавно перетекли в череду размышлений об истории и археологии, об Авиценне и его «Книге жизни». Будто обрывки аудиозаписей, в его голове прокрутились слова Бештерова о рецепте бессмертия, якобы поведанном в рукописи; пересказанная Симиниди легенда о человеке с чистой душой, который подарит людям сокоро-

венные знания; разговор со стариком Синеевым, рьяно утверждающим, что рукопись – всего лишь выдумка авантюристов.

Неожиданно для себя Илаев отметил, что пробуждённые Реболаровым эмоции не исчезли. Журналист чувствовал тепло того почти угасшего огонька, что, занявшись вновь, осветил его внутренний мир и звал на поиск истины. Илье показалось, что он испытывает подобие почти позабытых ощущений, которые когда-то побуждали его принимать твёрдые решения и идти к цели, не взирая на преграды, стоящие на пути. Но даже сейчас журналиста одолевали сомнения в правильности своих действий. Илья вообще не был уверен, стоило ли возрождать прежние эмоции.

Он покинул балкон, несколько раз смерил шагами номер, присел на краешек кровати и включил телевизор. Бегло пролистав местные каналы, Илаев остановился на российском, который в тот момент показывал выпуск новостей. Как человек, не единожды участвующий в подготовке репортажей, Илья относился к новостям скептически. Он прекрасно понимал, что преподнести одно и то же событие можно по-разному. Главное – выделить из общего потока информации ключевые моменты, на которых нужно заострить внимание аудитории. И если сделать это профессионально, то абсолютно любое происшествие люди воспримут так, как того требует внешне- и внутривнутриполитическая доктрина.

Илье вспомнилось, как во время небезызвестного осетино-абхазского конфликта 2008 года, находясь в командировке в Германии, он узнал о случившемся из новостей канала CNN. Илаев знал, что доверять этому источнику не следует, но отдал должное профессионализму заморских СМИ: информация была преподнесена именно так, как следовало. Российские войска представлялись настоящими интервентами, вторгшимися на территорию маленькой Грузии и учинившими там небывалый погром. И естественно, жители тех стран, где транслировался CNN, пропитывались негативным отношением к России.

Вернувшись на родину, Илаев имел возможность наблюдать на российском телевидении прямо противоположную трактовку событий. Причём видеокadres были теми же, что и на враждебном нам канале, а вот комментарии к ним – уже совершенно иными. Соответствующим образом расставленные акценты, сдобренные необходимыми экскурсами в историю, не оставляли телезрителям сомнений в том, что российские войска доблестно выполнили свой интернациональный долг, защитив малочисленные народы Осетии и Абхазии от геноцида со стороны Грузии.

Со временем конфликт, в который были втянуты многие государства, утих – надо заметить, не без помощи СМИ. Информационная война (кстати, этот термин в нашей стране начали широко использовать именно после вышеупомянутых событий), стала мощным рычагом манипуляции в достижении государством своих политических целей.

Именно по этой причине Илья просматривал новости исключительно ради того, чтобы быть в курсе событий – бесстрастно, игнорируя всяческие интерпретации и точки зрения. Выводы он делал самостоятельно, основываясь на собственном понимании международной обстановки и знаниях тех людей, в объективности которых имел возможность неоднократно убедиться. В этот раз Илаев смотрел выпуск новостей в полглаза, не прислушиваясь ни к диктору, ни к корреспонденту, комментирующему видеоряд – ему просто хотелось чем-то отвлечься от томительной неопределённости. Журналист глянул на часы – они показывали половину девятого.

«Чего я жду? – спросил он сам себя, и сам же ответил: – Не придёт она. Не сегодня».

Илья натянул на себя джинсы и футболку. Пред выходом из номера он на минутку задержался у зеркала, чтобы поправить волосы и соорудить пару гримас. Взор его упал на рекламный буклет.

«Что ж, от хорошей кухни и живой музыки я, пожалуй, не откажусь», – решил журналист, напоследок окинув критическим взглядом своё отражение.

Пройдя по набережной, – слева ярко-красное солнце нависло над морем, справа сплошным рядом выстроились кафешки, – Илья добрался до нужного ресторана. Снаружи «Олимп» напоминал большой шатёр, укрытый белым плотным материалом. Внутренняя обстановка вполне располагала к приятному времяпровождению: мерцающие повсюду свечи, столики, укрытые расшитыми скатертями, добротные стулья, обтянутые светлой кожей. По периметру террасы были расставлены кожаные диванчики того же оттенка, а в глубине возвышался подиум, с которого доносилась романтическая мелодия в живом исполнении. Илаев сделал заказ и теперь любовался южным закатом.

– Извините, у вас свободно?

На Илью кокетливо смотрела девица, явно пребывающая в приподнятом настроении. Она говорила по-английски, но с характерным русским акцентом. Журналист уже хотел пригласить даму за свой столик, но вместо этого с его языка почему-то сорвалось:

– Извините, я жду... – Илья прервался, опасаясь выдать своим проносом аналогичное происхождение.

– О, простите, мне показалось, что вы скучаете в одиночестве. Но если вы никого не дождётесь – присоединяйтесь к нам, – она указала в сторону стола, за которым сидели три девушки и двое мужчин лет тридцати. По ассортименту блюд и напитков, выставленных перед ними, было понятно, что компания пиршествует уже давно, и вероятно, подошло время восстанавливать паритет между полами.

– Благодарю за приглашение, – журналист вежливо кивнул.

Девушка, нисколько не смутившись, широко улыбнулась, довольно резко развернулась на каблуках и разочарованно развела руками, демонстрируя друзьям свою неудачу.

– Все мужики – козлы! – во всеуслышание изрекла она на чистом русском, не обращая внимания на остальных посетителей.

Компания весело расхохоталась.

Тем временем принесли ужин, и Илья принялся оценивать прелести местной кухни.

«И почему я отказался от приглашения? – рассуждал он сам с собой за неимением собеседника. – Неужели старею?».

После плотного ужина и нескольких порций горячительного, Илаев заметно повеселел. Журналист всё чаще бросал взоры в сторону пригласившей его девушки, которая теперь казалась ему куда привлекательнее, чем на первый взгляд. Но он не мог придумать благовидное объяснение своей несостоявшейся встречи. Выставляя же себя в роли одураченного кавалера было неловко. Пока журналист ломал голову, даму позвал на танец молодой человек, чему та несказанно обрадовалась.

Коря себя за излишнюю нерешительность, Илаев опустошил хрустальный графинчик, расплатился по счёту и, слегка удручённый своим одиночеством, покинул заведение. Оказавшись на набережной, он облокотился на декоративное ограждение, отделяющее променады от пляжной линии, и зажёл сигарету. Пока Илья стоял, раздумывая, куда податься дальше, он поймал себя на мысли, что не слишком расположен к веселью. Журналист подошёл к морю и в позе йога уселся на песке.

Морской прибой ласково накатывал на берег и, превращаясь в пушистую белую пену, медленно, с едва уловимым шипением возвращался обратно. Лунный свет отражался в водяной глади широкой дорожкой, сверкающей миллионами ярких искорок, и резко исчезал за линией горизонта во мраке неизвестности.

– Правда, красиво? – раздался за спиной знакомый голос.

Илья не отрывал глаз от ночного моря.

– Журналист, а я уж подумала, что ты надолго застрянешь в компании соотечественников.

Илаев обернулся. Она стояла на песке – босиком, в лёгком белом платье, держа в одной руке сумочку, а в другой босоножки. Ироничная улыбка, слегка волнистые волосы, собранные в хвост с кажущейся небрежностью, цепочка с медальоном на шее и золотой браслет на запястье. Она покачивала сумочкой, притопывала ножкой и смотрела на Илью. В лунном свете она выглядела великолепно. Илья сделал вывод, что она в любых обстоятельствах выглядит великолепно.

– Я ждал тебя, – Илаев встал и подошёл к Элеоноре.

– Ой, журналист, да ты романтик! – Элеонора расхохоталась. – Я хотела составить тебе компанию за ужином, но эта девица опередила меня.

– Я объяснил ей, что жду даму, – немного смущённо ответил Илья, а затем, подняв глаза, настороженно посмотрел на неё. – Так ты знала, что я буду в этом ресторане?

– Конечно, – спокойно ответила девушка, – ведь это я попросила вручить тебе рекламный проспект.

– А к чему такие сложности? – в недоумении воскликнул Илаев. – Ты что, работаешь в AIVD?

– Почему же не в КГБ или ЦРУ? – ван Голланд снова рассмеялась. – Журналист, я историк, а не агент. Но после смерти Косты даже историк сообразит, что тебя станут искать, да и меня заодно.

– Так он что, умер? – Илья почувствовал, как мурашки пробежали по коже.

– Внезапная остановка сердца, вызванная аллергической реакцией на цитрусовые, – Элеонора пристально посмотрела на Илаева.

– Да, но он не ел ничего такого, – Илья потёр рукой лоб, вспоминая блюда, заказанные Симиниди.

– Лимонный сок был добавлен в салат. Я звонила знакомому, у которого есть друзья в полиции. Он мне всё и разузнал, а ещё сказал, что для дачи показаний полиция ищет мужчину, который был с Костой в таверне, и его спутницу, ожидавшую у выхода на автомобиле «Ауди», – ван Голланд подняла голову, гордясь своей осведомлённостью.

– Ну так нужно пойти в полицию и всё объяснить...

– Дело в том, что в салат никто из поваров не добавлял лимонный сок. Коста был всегдаем этой таверны, и весь персонал прекрасно знал про его аллергию. Поэтому официанты и повара считают, что это сделал ты, – Элеонора наклонилась к Илье и, понизив голос, добавила: – Ты не свидетель, журналист. Ты – подозреваемый.

10

В приморских курортных городах портовая набережная – традиционно самое оживлённое место. Так повелось издревле – с тех времён, когда грузового наземного и воздушного транспорта ещё не было, и торговля между государствами осуществлялась посредством морских сообщений. Корабли, гружённые товарами, причаливали к острову, собирая толпы окрестных жителей, и поскольку Крит географически располагался на пересечении морских путей в Азию, Африку и Европу, его города со временем снискали славу крупных культурных и торговых центров.

Ретимно не был исключением, хоть и не являлся главным городом острова. Сегодня в старый порт уже не заходят большие грузовые суда, но проложенными за тысячелетия тропами, туристы со всех уголков мира по-прежнему стекаются в сердце древнего городка, не позволяя ему остановиться, заставляя его стучать в такт времени.

На набережной сосредоточено несметное количество ресторанов, кафешек, маленьких магазинчиков и всяческих увеселительных заведений, манящих калейдоскопом огней, наперебой зазывающих отдыхающих на всех языках мира оценить именно их неповторимую атмосферу, исключительную кухню или эксклюзивную шоу-программу.

В гавани умиротворённо дремлют, пришвартовавшиеся на отдых рыболовецкие судёнышки и простые вёсельные лодки, элегантные моторные катера и прогулочные кораблики в пиратском стиле. Чинно стоят и роскошные белые яхты, чей внешний облик призван извещать о высоком статусе владельца, а внутреннее убранство надёжно скрыто от недостойных глаз, порождая слухи о немыслимом великолепии.

Слева от гавани расположился старинный замок, служивший когда-то морской крепостью, которая защищала город от вражеских посягательств. Его крепостные стены, возведённые из удивительно плотно притёртых друг к другу каменных блоков, увековечили высочайшее мастерство древних греческих зодчих, величаво возвышаясь над морем и уходя в его пучину у основания.

Побродив среди ярких огней, полюбовавшись звёздным небом, морскими яхтами-красавицами и видами старого города, Илья с Элеонорой остановились в одном из ресторанчиков в самом конце набережной.

– За наше чудесное знакомство! – торжественно провозгласил Илаев, подняв фужер с шампанским.

– Да, уж, – Элеонора, смотрела куда-то вдаль сквозь Илью, – действительно, чудесное.

Они сделали по глотку шампанского, и журналист, не выпуская фужера из руки, спросил:

– Наверное, жалеешь, что посадила меня в свою машину?

– Нисколько, – Элеонора замотала головой.

– Но ведь из-за меня ты...

Она не дала договорить:

– Не думай, что я страдаю благородством, – ван Голланд самоуверенно смотрела на Илью. – Сначала я просто растерялась, ну а теперь считаю, что ты непременно поможешь мне.

– Я?! – задал глупый вопрос Илаев, и чтобы оказаться в ещё более дурацком положении, указал на себя пальцем.

– Именно, – Элеонора была совершенно невозмутима. – Мне не меньше твоего работодателя необходимо найти книгу, и я знаю, что она на острове.

– Но почему ты считаешь, что я буду тебе помогать? – губы Ильи скривились в лёгкой ухмылке.

– Да потому что тебя направил Всеволод Реболаров, а он редко ошибается в выборе.

– Послушай! – Илаев собрался с мыслями. – Я плохо понимаю, что вы затеяли. И если бы ты меня посвятила в суть ситуации, было бы гораздо легче о чём-то рассуждать. Пока же я подумываю просто уехать в Россию, послав куда подальше весь этот исторический цирк.

– Ты не сможешь вот так взять и уехать.

Самонадеянное утверждение историка чуть было не вывело Илью из равновесия, но взяв себя в руки, он продолжил:

– И выбор меня в качестве сыщика, на мой взгляд, не совсем удачный. Я, как бы это тебе объяснить, с недавних пор не горю желанием спасти мир. Мне самому впору обратиться за помощью.

Элеонора немного удивлённо повела бровями.

– Если ты закончил меня разочаровывать, то я попробую ответить на часть твоих вопросов.

– Будь так любезна! – Илаев взглянул на неё и, смягчившись, добавил: – А вообще-то, я ехал в отпуск, и речь шла лишь о маленькой услуге шефу.

Девушка улыбнулась и накрыла своей ладонью покоящуюся на столе руку Ильи.

– Так вот оно что, – она сочувственно покачала головой. – Значит, ты просто хотел отдохнуть. Бедный журналист! Узнаю Всеволода Александровича. Этот тип обладает талантом незаметно втягивать людей в свои аферы.

Она легонько погладила руку Ильи.

– Если я тебя правильно понял, Реболаров знал, что поиски будут не из лёгких? – спросил Илаев.

– Конечно, – спокойно ответила Элеонора. – Разве можно легко получить то, что желает получить любой человек на планете? Видишь ли, и Всеволод Александрович, и я, и Коста, и многие другие уже очень давно пытаются завладеть этой рукописью. Естественно, каждый из нас преследует разные цели, но суть не в этом. То, что найденная книга принадлежит перу именно Авиценны, не вызвало сомнений ни у меня, ни у Косты. Загадочные обстоятельства её исчезновения на первый взгляд пахивают мистикой, но уверяю тебя, что это только иллюзия. Я точно знаю, кто и как выкрал книгу. Как и то, что в данный момент она находится на острове. Но Реболаров запретил мне в одиночку предпринимать попытки заполучить её. Он считает, что с тобой сделать это будет проще и надёжнее, и я с ним согласна. Ты на сто процентов подходишь для этой миссии. И даже если бы я не одобряла выбор шефа, я не стала бы перечить ему. Я знаю, чем эта история может для меня закончиться. А ведь я, несмотря на все мои стремления, всего лишь слабая женщина. Он не простит мне ещё одной ошибки – понимаешь, Илья?

– Что ты имеешь в виду? – Илаев убрал руку из-под ладони Элеоноры.

– Чтобы это понять, нужно хотя бы немного знать Реболарова. Могу сказать одно: он звонил мне перед твоим приездом – предупредить, что на остров прибудет человек по его поручению, – ван Голланд иронично фыркнула, выказывая недовольство явным недоверием со стороны Реболарова. – Он хочет, чтобы именно ты доставил книгу в Москву; более того он строго-настрого приказал следить, чтобы никто кроме тебя не смел прикасаться к ней. Я сначала подумала, что ты агент спецслужбы или кто-то в этом роде, но теперь вижу, что это не так. Но я уверена, что ты, как никто другой, должен быть заинтересован получить этот труд в руки. Прости, но я вчера навела о тебе кое-какие справки.

Элеонора сделала паузу, дав возможность Илье переварить услышанное, и продолжила:

– Посуди сам. Ты – известный журналист, ты обладаешь репутацией человека честного, не склонного к фальсификациям. Тебе можно доверять. У тебя есть необходимый опыт. Могу предположить, ты не попытаешься перепродать подороже то, что может принести тебе всемирную известность. Лично тебе книга ни к чему – она для тебя всего лишь старинная рукопись знаменитого философа, а вот сенсационное интервью, которое ты дашь на пресс-конференции в Москве, на сегодняшний день для тебя гораздо важнее. Ты честно выполнишь поручение, хочешь ты того или нет, и все останутся довольны. Так что, дорогой мой журналист, тебе эта рукопись нужна не меньше, чем твоему заказчику – у тебя свой интерес. И твою депрессию как рукой снимет, когда ты снова обретёшь известность и востребованность.

Илаев внимательно слушал Элеонору и понимал, что она права. Ему, как никогда, сейчас требовалось нечто новое, вдохновляющее, будоражащее воображение. Его действия снова должны были обрести смысл. Выйдя из кабинета Реболарова, журналист определённо воспрянул духом, и, возможно, именно участие в историческом открытии мирового масштаба, окончательно вернуло бы его в строй.

Он отдал должное проницательности Реболарова. Илья даже содрогнулся при мысли о том, насколько могущественным должен быть человек, умеющий манипулировать людьми, не принуждая их, а склоняя действовать в своих же интересах, сообразно внутренним потребностям каждого. Илья вспомнил, что подобный метод привлечения людей описывался в одной из книг Дейла Карнеги. «Тот, кто сможет это сделать, завоеует весь мир», – утверждал американский психолог.

Илаеву сделалось не по себе: в какой-то момент он почувствовал себя марионеткой. Но потом всё же рассудил, что марионеткой управляет невидимый кукловод, дёргая за ниточки и заставляя делать то, что нужно ему; в этой же ситуации выходило так, что интересы Ильи согласовывались с интересами Реболарова. То, что последний сумел это разглядеть, вероятно,

было даже к лучшему. Но признаваться в том, что Элеонора оказалась очень близка к истине, журналисту не хотелось.

– Раз уж вы такие проницательные, может быть, тогда расскажешь мне, как я смогу вывезти книгу из страны? – осведомился он.

– Это не твоя забота, – Элеонора беспечно махнула рукой. – Поверь, я сталкивалась с задачами посложнее. В конце концов, у нас есть эксперты, которые ни за что на свете не подтвердят, что это именно рукопись Авиценны. Это тебе как вариант. Но даже если подлинность книги будет установлена, уверяю, что провезти её в Москву не составит труда, тем более что находка была обнаружена нашей группой, а раскопки велись с разрешения властей Греции. Ничего противозаконного мы не совершаем, а все бюрократические процедуры я беру на себя.

Илья ворошил в голове мысли, пытаясь разобраться, где же кроется подвох и есть ли он вообще.

– А какие цели преследуешь ты? – он вопрошающе посмотрел на собеседницу.

– Илья, в этом деле есть много важных для меня вещей. После обнародования открытия я приобрету значительный вес в научных кругах – со всеми вытекающими последствиями. И, конечно, гонорар, который выплатит наш общий знакомый. Ну и, естественно, человеческое стремление к вечной жизни, хотя если быть совсем откровенной, я не очень верю, что информация о ней действительно содержится в этой рукописи, – Элеонора посмотрела куда-то вдаль, задумалась и задала сама себе вопрос: – Почему людям так неохотно верится в лучшее?

– Тогда последнее: у кого сейчас книга? – спросил Илаев.

– Не торопись, журналист, потерпи до завтра. Кстати, ты не собираешься поухаживать за дамой? Мой бокал уже давно пуст, – лицо Элеоноры приняло капризное выражение.

Илья разлил шампанское по бокалам.

– Прости, увлёкся беседой, – он встрепенулся, словно отгоняя роившиеся в голове вопросы. Растерянный вид журналиста позабавил ван Голланд.

– Я прощаю твою оплошность. Но вообще, допрашивать голодную девушку как-то не по-мужски, – она надула губки и обиженно посмотрела на своего спутника.

Больше за столом деловые темы не поднимались. Элеонора шутила, смеялась, задавала Илье вопросы личного и даже слишком личного характера. Деловая женщина и серьёзный историк ван Голланд растворилась в южном вечере, и вместо неё снова появилась непосредственная и очаровательная девушка.

Теперь Элеонора всецело переключила внимание Ильи на себя, и, оставив попытки разобраться в запутанной истории с рукописью, он отвечал на её легкомысленные вопросы. Иногда они ставили журналиста в тупик, отчего Илаев немного нервничал, но волнение это было скорее приятным. Он смотрел на молодую женщину и мысленно благодарил судьбу за то, что она предоставила ему именно такую напарницу. Элеонора ван Голланд откровенно нравилась Илье – она была хороша собой, умна, с ней было легко. Журналисту казалось, что они знакомы много лет, только почему-то именно сегодня у него открылись глаза на всю привлекательность Элеоноры.

После ужина девушка предложила немного прогуляться. Они побродили по набережной. Элеонора держала Илью под руку, а временами, обхватив его предплечье, прижималась всем телом. Он касался щекой её волос, вдыхая тонкий аромат духов, чувствовал её тепло, повергающее в волнительный трепет, и возбуждающий прилив энергии напоминал Илаеву о его существовании.

Элеонора оказалась превосходной собеседницей, умеющей легко и непринуждённо чередовать серьёзные, а иногда и философские темы, с болтовнёй о всяких пустяках, шуточками и почти детскими дурачествами. Даже сумасбродная идея искупаться в ночи была высказана ею так зажигательно, что у Ильи не возникло никаких сомнений в уместности этой затеи. Он

только заметил, что не взял с собой плавки, на что Элеонора, приблизившись губами к его уху, тихим заговорщицким голосом поведала, что тоже не надела купальник.

На ночном пляже царил тишина, нарушаемая лишь шелестом морской пены, плавно и ритмично накатывающей на берег. Элеонора подошла к воде, скинула босоножки, зашла в море так, что краешек её платья намочила набежавшая волна и, повернувшись к журналисту, восторженно произнесла:

– Какое чудо! Вода теплее воздуха!

Не дожидаясь ответа Ильи, она изящно выскользнула из одежды и неторопливо, разведя руки в стороны, направилась в море. От неожиданности Илаев застыл на месте: испепеляющая страсть сковала его по рукам и ногам. Как заворожённый, он глядел на божественно-прекрасное обнажённое тело Элеоноры. Погрузившись по пояс в морскую пучину, девушка обернулась, словно почувствовав на себе его обжигающий взгляд.

– Эй, журналист! Не смотри так – голова закружится, – и с загадочной улыбкой, немного запрокинув голову, медленно двинулась дальше, лаская руками гребни волн.

Её реплика вывела Илью из оцепенения. Не отрывая глаз от Элеоноры, он сорвал с себя майку, джинсы, и вприпрыжку, с боевым кличем неандертальца, взрывая пеной обступающие его волны, бросился с головой в непроглядную морскую тьму. Элеонора рассмеялась, пытаясь уклониться от разлетающихся во все стороны брызг. Стихия несколько остудила бурные эмоции Ильи. Он вынырнул на поверхность, возвёл руки к звёздному небу, прокричал что-то невнятно и восхищённо, затем посмотрел на Элеонору, и они оба расхохотались как дети.

11

Столь впечатляющий вечер дал Илье повод надеяться на более близкое знакомство с Элеонорой. Он уже предвкушал не менее великолепную ночь в гостиничном номере, но девушка позволила лишь проводить себя до машины и чмокнуть в щёчку, отстранившись от более пылкого поцелуя.

– Не надо, Илья, – Элеонора застенчиво улыбнулась и нежно коснулась его лица. – Ты же меня совсем не знаешь. И я тебе не знаю. Не стоит торопить события.

Шаг за шагом, она медленно отступила назад, скользнула в автомобиль и, помахав рукой на прощание, пообещала скоро вернуться.

Илаев долго смотрел вслед ярких габаритных огней «Ауди», исчезнувших в неизвестности ночи. В глубине его души теплилась робкая надежда на возвращение Элеоноры. Но чуда не произошло. Не приехала она и на следующий день. Илья просидел в номере до позднего вечера и лишь ближе к полуночи позволил себе небольшой променада на свежем воздухе.

Элеонора заполнила собой всё умственное пространство Илаева, вытеснив тоскливые думы о бесцельности его существования, о загадочном исчезновении «Книги жизни» и неприятностях с полицией из-за смерти Косты. Из головы не выходила только случайная знакомая, которой удалось за один-единственный вечер так сильно околдовать его.

Бесцельно побродив по городу минут тридцать, журналист снова вернулся в отель и чтобы хоть как-то отвлечься от ожидания, включил телевизор. Российский новостной канал по-прежнему рапортовал о недавних событиях в выгодном для стороны вещания свете. Новости экономики сменились сводками международной жизни, и вдруг... Илья не поверил своим ушам.

«Сегодня на шестьдесят втором году жизни скоростно скончался видный деятель советской и российской науки, преподаватель Московского Государственного Университета, профессор истории и философии – Николай Павлович Кузнецов. Тело учёного было обнаружено в его рабочем кабинете. По предварительным данным, смерть наступила в результате острой сердечной недостаточности...» – диктор ещё что-то говорил, а у Илаева экран поплыл перед глазами.

Имя Николая Павловича Кузнецова фигурировало в списке, предоставленном Яковом Исааковичем. Он был одним из трёх экспертов, установивших подлинность книги, и вторым после Косты, покинувшим этот мир. Илья вышел на балкон.

«Выходит, смерть Косты действительно была неслучайна. Таких совпадений не бывает, – журналист потёр виски, сморщив лицо в попытке вспомнить нечто важное. – Нужно срочно позвонить последнему эксперту».

Он взял мобильный телефон, набрал номер третьего учёного: абонент находился вне зоны действия сети. Вопреки просьбе Элеоноры, Илья набрал и её номер, но он был заблокирован.

«Что же это происходит? – с ужасом подумал Илаев. – Куда же я вляпался?»

И вдруг журналиста кольнула мысль: Элеонора! Ведь если эти смерти не случайны, ей тоже грозит опасность. Илья ещё раз попытался дозвониться до ван Голланд. Металлический голос невозмутимо повторил: «Абонент временно недоступен».

– Надо что-то делать, – Илаев проговаривал мысли вслух, чтобы скорее найти правильное решение. – Реболаров! Нужно связаться с ним.

Журналист снова потянулся к телефону, но остановил себя.

– А что я ему скажу, да ещё во втором часу ночи? – Илья мысленно отнял два часа от местного времени. – Значит, в Москве начало двенадцатого. Нет, поздновато – он наверняка не станет со мной разговаривать. Сочтёт, что я окончательно спятил. Пожалуй, подожду до утра.

Илаев закурил.

– Мне стоит успокоиться и всё хорошенько взвесить, – рассуждал он вслух. – Если Кузнецова и Симиниды убили из-за того, что они подтвердили подлинность книги – значит, Элеонора и ещё один учёный в опасности. Для меня никакой угрозы нет – книги я не видел, а то, что просто сидел в таверне с Костой, ничего само по себе не значит. Тем более, помимо Элеоноры никто не знает, где я нахожусь. Но я, к сожалению, не знаю, где находится она. Предупредить я её не могу. Кто может? Всё-таки нужно звонить Реболарову. Он должен быть заинтересован в признании подлинности книги. И эти события ему совсем не на руку.

Илаев набрал номер Всеволода Александровича. Длинные гудки. Трубку никто не взял. Журналист повторил звонок. То же самое.

– Да что такое? – Илья беспомощно взмахнул руками и хлопнул себя по бёдрам.

Вариантов действий не оставалось. По своему опыту журналист знал, что в экстренных ситуациях велик риск поддаться инстинктам и эмоциям, которые в такие моменты берут верх над разумом. Важно обуздать их и дабы не натворить глупостей, сохранять спокойствие и самообладание. По этой причине Илаев всегда предпочитал брать паузу, но в этот раз угроза, нависшая над Элеонорой, медлить не позволяла.

Много раз Илья убеждался в том, что необдуманные действия, произведённые на пике эмоционального возбуждения, ни к чему хорошему не приводят, но так уж устроены люди, что порой бессильны справиться с обуревающими их страстями. Чтобы действовать разумно и хладнокровно, нужно пережить не одну и не две стрессовые ситуации – тогда восприимчивость к происходящему снижается в силу банальной привычки. Либо нужно быть бесстрастным по складу своему, что человеческим созданиям, за редким исключением, несвойственно, поскольку эмоции и страсти и есть движущие силы нашей жизни.

Человек может действовать благоразумно только тогда, когда чувствует себя в своей тарелке. Так, опытный воин, привыкший смотреть в глаза смерти и не сгибаться под натиском противника, в кровавой бойне принимает верное решение за долю секунды, но может почувствовать дрожь в коленках, если в мирной жизни, например, ему придётся толкать речь перед огромной аудиторией. Лицедей же, многократно выступающий перед зрителями и чувствующий себя на сцене как рыба в воде, в свою очередь, непременно впадёт в панику и начисто лишится рассудка в условиях боя. Конечно, и воин, которому предстоит публичное выступ-

ление, и артист, оказавшийся в эпицентре сражения, могут научиться вести себя адекватно, если подобные ситуации будут регулярно повторяться, и если деятель искусства по природе своей – человек бесстрашный, а грозный боец испытывает тайную потребность в зрительском признании.

В тот момент Илаев в своей тарелке не находился. Он привык рисковать, ведя журналистские расследования, и бывало, что его жизни угрожали, но опасность потерять человека, небезразличного ему при невозможности что-то предпринять для его спасения, загоняла Илью в положение тягучей безысходности.

В дверь номера постучали. Илаев замер. Сердце бешено колотилось в его груди. Несколько секунд помедлив, журналист осторожно сделал несколько шагов.

– Кто? – спросил Илья, стараясь держаться от входной двери на безопасном расстоянии.

– Это я.

Илаев быстро щёлкнул входным замком. На пороге стояла Элеонора.

Любовь

В сознании Мелиора чувство любви к Создателю с каждым днём всё больше затмевалось желанием быть признанным и безмерной жаждой власти. Но всё чаще и чаще он спрашивал себя: «А что же будет дальше? Что будет, когда я стану безраздельно владеть душами этих безмозглых смертных? Буду ли я удовлетворён содеянным?» Кроме того, его волновал вопрос принципиального противостояния: «Станет ли Творец любить этих существ, когда они окончательно отрекутся от него, приняв меня как единственного правителя?» И Мелиору казалась, что ответ ему известен, и ответ этот его совершенно не устраивал.

В том, что смертные смогут забыть о Создателе, Мелиор не сомневался, считая это лишь делом времени. Он видел, как они постепенно отдаляются от идеалов Творца – точнее, стыдливо прячут эти идеалы глубоко в себе и всячески пытаются искоренить их, повинувшись выдуманному демоном идолам и идеям.

Мелиор научился успешно манипулировать их разумом, но никак не мог подчинить себе их волю. Время от времени каждый смертный – даже тот, кто, по его мнению, давно пренебрегал правилами Создателя, увязнув в искушениях, – был вынужден бороться с сомнением, возникающим вследствие подсознательной тяги к Творцу. И это расстраивало демона: он не хотел видеть сомнение в душах – он хотел всецело властвовать над ними. Но власть его никогда не доходила до абсолюта: смертные пытались балансировать между Мелиором и Творцом. Причём перевес всегда был на стороне Мелиора, а победа доставалась Создателю. Демон был уверен, что он просто допускает ошибку, и она заключается в недостаточно активных действиях с его стороны.

Иногда Мелиору было до тошноты обидно и непонятно, почему то, что обходится ему ценой стольких усилий, у Создателя получается само собой. Творец будто бы и не пытался склонить души на свою сторону. Он никого не уговаривал и, больше того, предоставлял каждому полную свободу выбора, однако смертные по собственной воле возвращались к нему, предав Мелиора. «Неужели моя ошибка кроется в отношении к происходящему?» – размышлял демон. И такое положение дел породило в нём ещё одно чувство – не менее странное, чем то, что зародилось вечность тому назад. Он стал испытывать страх. Нет, Мелиор не боялся исчезнуть в хаосе навсегда и больше никогда не вернуться в созданный Творцом мир любви и гармонии. Он боялся не успеть завершить начатое, хотя порой не знал, зачем ему это.

Противоречия раздирали Мелиора. Он любил Творца, и это мешало ему действовать. Но он хотел любой ценой осуществить задуманное и доказать своё превосходство, теперь находя в этом единственный смысл своего существования. Демон уже не понимал, как раньше он мог жить в мире и спокойствии. Ему казалось, что в те незапамятные времена он был в рабстве, из которого вырвался на свободу. Но как ни старался он освободиться от условностей Создателя,

как ни старался вытравить из сердца всё, кроме желания быть первым и стремления к большему, он всегда сталкивался с внутренним противостоянием. Мелиора не покидало ноющее ощущение, что в любую минуту может произойти взрыв, и тогда мощная взрывная волна унесёт в никуда его планы и мысли. И Создателю стоило только захотеть этого, только он отчего-то не вмешивался.

Мелиор осознавал силу Любви и боялся, что под действием её дурмана когда-нибудь позабудет о своих мечтах. Он также знал, что и смертные не устоят перед этой безграничной мощью, презирающей аргументы извне и отрицающей доводы разума. Совершенно бесконтрольное чувство, которое Творец заложил в основу созданной им вселенной, было неподвластно искушениям, служащим для Мелиора главными инструментами манипулирования.

Любовь поставила его планы под серьёзную угрозу.

Но несмотря на непринятие этого чувства, он сам был жертвой любви, только в отличие от смертных, бежал прочь от неё. Любить – означало отказаться от намеченного пути, чего Мелиор допустить никак не мог. Его страх не устоять перед чувством к Создателю усугублялся страхом потерять контроль над разумом смертных. Мелиор боялся, что люди будут любить, а пытаться контролировать влюблённых столь же эффективно, как черпать воду решетом.

Мелиор был не в силах уничтожить любовь, ведь правила Творца распространялись на всю вселенную, а значит, и на его мир, являющийся неотъемлемой её частью. Демон не мог создавать, он мог лишь оперировать тем, что уже создано. И тогда он решил расщепить всеобъемлющее целостное чувство и перемешать в умах смертных любовь ко всему существу с эгоизмом, тщеславием, ненавистью. И люди стали путаться.

Мир Мелиора зажил по иным законам. Они вроде бы не отличались от законов Создателя, но разобраться в их применении стало невозможно. Так, юноша, осознавший, что полюбившаяся ему девушка не отвечает взаимностью, мог возненавидеть её и причинить множество страданий и горя. Испытывая нежность к возлюбленной, желание заботиться о ней, юноша вместе с тем был одержим дикой ревностью и неукротимым чувством собственности. Он ощущал жалость к себе, унижение из-за отказа и ненависть к тому, кого девушка ему предпочла. Противоречивые эмоции наваливались на беднягу, словно огромный снежный ком, гнёт которого невыносимо выдержать.

Влюблённый молодой человек, раздираемый изнутри противоречивыми чувствами и внемлющий постоянным нашептываниям Мелиора, постепенно склонялся к его ценностям. Запутавшийся юноша уже не мог смириться с тем, что у приглянувшейся ему особы, так же, как и у него самого, есть свобода выбора. Он не хотел, чтобы девушка была свободна – он хотел, чтобы она всецело принадлежала ему. В противном случае парня вообще не волновали её желания и интересы. И Мелиор был этому рад!

Тот, кто всё же добился своего и безраздельно обладал женщиной, заводил с ней детей. Любовь к ребёнку отличалась от страсти к своей половинке – она была менее эгоистична, но более тщеславна. Малейшее несоответствие дитя ожиданиям родителей повергало последних в дикую ярость. Зачастую они игнорировали желания маленькой личности, безжалостно уничтожая её индивидуальность, топча её чувства и подчиняя её волю своим амбициям. Родители хотели, чтобы их чадо были именно таким, каким они желают его видеть.

И это делалось не преднамеренно, а вследствие той же неразберихи в умах смертных. Любовь к ребёнку и страх за своё спокойствие, боязнь, что дитя будет доставлять массу хлопот и, не приведя господь, скомпрометирует их в глазах окружающих – эти мысли конфликтовали в людских головах, а слушая несмолкаемый шёпот Мелиора, родители мало-помалу убеждались в правильности его принципов. Изречение «Я тебя породил – я тебя и убью» стало практически девизом всех семей. И Мелиор был этому рад!

Смертные перестали отличать любовь от других чувств и наслаждались лишь тогда, когда объект их вожделения выполнял то, чего хочется им, а если этого не происходило – страдали и были готовы на месть, оскорбления, клевету, насилие. И Мелиор был этому рад!

Любовь же к людям вообще или ко всем сущему – именно та бескорыстная любовь, не предусматривающая никаких условий, та, которую испытывал Творец к каждому созданию во вселенной, та любовь, что являлась движущей силой жизни и основой вечности – эта любовь встала в один ряд с психическими заболеваниями, а людей, способных на неё, окрестили блаженными и открыто глумились над ними. И этому Мелиор был рад особенно!

Смертные стали путать, ради чего им жить, стали отдавать лишь для того, чтобы получить ещё больше. А их жажда получить всё больше и больше, по подсказке Мелиора называемая запасливостью или предусмотрительностью, не знала границ. Люди перестали понимать, как можно отдавать и созидать ради любви, не ожидая отдачи – так, как это делал Создатель.

Они стали требовать за любовь что-то взамен. Мужчины хотели получить контроль над женщинами, женщины – над мужчинами, родители – над детьми. Дружба требовала внимания и взаимовыручки без оглядки на обстоятельства, а отказ поддержать в сомнительном дельце приравнялся к предательству, мгновенно превращая закадычных друзей в злейших врагов.

Бывшие влюблённые тоже превращались во врагов, даже если чувства угасали у обоих. Поскольку любовь, собственничество и ненависть смешались в их душах, при исчезновении двух первых, оставалась только ненависть.

Любовь к животным требовала от них беспрекословного подчинения. А тех, кто отказывался служить – пристреливали.

Бескорыстные помыслы отходили на задний план, вытесняемые новыми социальными правилами и новым законом, которому дали название «мораль».

Путаница в головах смертных сложилась в новый порядок. У них появился новый смысл – накапливать то, что полюбил, как того требовали нормы морали. Отдавать же, руководствуясь чувством любви, теперь считалось предосудительным. И Мелиор ликовал! Он сумел, как ему казалось, затуманить человеческий разум.

Но проблема состояла в том, что каким-то неведомым образом смертным удавалось разобраться в истинных чувствах, и тогда они уходили к Создателю. Мелиор пребывал в ярости. Он считал это беспринципностью, предательством, и был готов на всё, чтобы отомстить и покарать отступников. Демон ещё крепче утверждался во мнении, что только он истинный, и только он заслуживает права быть первым. А эти ничтожества бегут туда, где им становится комфортнее. Мелиор даже жалел Создателя, которого смертные рано или поздно бросят ради своей следующей «любви».

– Они похожи на флюгер, – брезгливо ворчал Мелиор. – Они бегут туда, куда гонит их преобладающий ветер.

Как-то раз демон наблюдал за влюблённой парой на ночном пляже. Он видел, что мужчине и женщине хорошо вдвоём – они наслаждались действительностью и ничего не желали взамен. Каждый подобный всплеск любви заставлял Мелиора волноваться – любое проявление пугающего чувства нуждалось в его вмешательстве. А поскольку демон был не в состоянии его искоренить, то старался исковеркать, перемешать с другими эмоциями, прибегнув к искушению и лжи.

Впрочем, Мелиор не считал интриги и каверзы ложью – он считал их неотъемной частью борьбы, в которой побеждает тот, кто более умело пользуется этими инструментами.

Мелиору легко было совладать с чувствами женщины – он отчётливо видел, что она больше любит себя. Она получает удовольствие от своего очарования, от восхищения, которым заполонил влюблённый мужчина всё побережье, от покорения ещё одного сердца. При том, что спутник ей явно нравился, и даже сильно, женщина всё же не была готова ради него отказаться даже от малой толики своих интересов.

Девушка как губка впитывала мысли Мелиора, и искушать её не составляло труда – за неё демон не беспокоился. Мужчина же явно представлял угрозу – демон не замечал, чтобы он любовался чем-то кроме своей спутницы. Он был готов отдавать, и непонятно, чего же хотел для себя. Мелиор сумел разглядеть лишь страсть, но не смог определить, насколько сильно она затмила его разум. Казалось даже, что мужчина готов пожертвовать своей страстью ради благополучия своей возлюбленной.

– Самопожертвование! – ужаснулся Мелиор: неужели он снова встретился с существом, вышедшим из-под контроля!

– Он скоро не будет подчиняется тебе, брат мой, – голос Создателя был как всегда мягок и доброжелателен.

– Он любит эту женщину, – задумчиво произнёс Мелиор.

– Он освобождается от заблуждения, – Творец с восхищением смотрел на влюблённых.

Мелиор, не сводя глаз с плещущейся в морской прохладе пары, и чувствуя, как пространство теряет своё напряжение в присутствии Творца, спросил:

– Объясни мне, брат, неужели тебе спокойно в присутствии этой сущности, ведь он не любит тебя – он даже не верит в тебя. Для него существует лишь эта женщина, и ради неё он готов на всё, даже снова отречься от тебя. И ты считаешь его достойным своей любви?

Создатель благодушно посмотрел на Мелиора.

– Это решать ему. Мои чувства принадлежат мне, а чувства этого мужчины – только ему самому. Любая жизнь дорога мне, любая жизнь радует меня, любое живое существо имеет право на свой выбор. Когда придёт время, мы сможем обо всём этом беседовать, как раньше, – и создатель коснулся плеча Мелиора. – Помнишь, как ты был счастлив?

– Я был глуп и слеп, – твёрдо изрёк Мелиор. – Я верил твоим рассказам и не знал, что может быть лучше.

– И теперь тебе лучше? – Творец подошёл к воде, и ноги его окутала мягкая белая пена.

– У меня появился смысл. Я теперь знаю, чего хочу, – Мелиор держался гордо и непоколебимо.

– Уверен ли ты, что хотеть – и есть твоя цель? Не думаешь ли ты, что именно желание большего и ограничивает твою свободу, сужая простор вокруг тебя? Зачем стремиться к большему, обладая всем? Разве сейчас этот мужчина желает чего-то ещё? Разве не испытывает он полное удовлетворение от своего существования? Разве нужно ему кому-то доказывать, что он лучше всех, если он уже имеет всё, что ему нужно?

Мелиор напрягся, пытаясь воскресить в памяти чувство, о котором говорит Творец. Но уже не мог.

– Ну тогда заведи его. Освободи от моего плена.

– Только ему решать, когда покинуть этот мир и прийти ко мне. И тебе тоже предстоит решать это самому, – Создатель стоял на водной глади, и море рядом с ним было ровное и спокойное, словно не было причин испытывать возмущение. Водные барашки с белой кудрявой шерстью распрямлялись и застывали в покое и умиротворении у ног Творца. А чуть поодаль плескались влюблённые, и море вокруг них кипело и бурлило – возможно, от радости, а возможно, от недовольства их бесцеремонным вторжением в свою вотчину.

– Если я смогу понять тебя, – задумчиво молвил Мелиор. – Если я избавлю этот мир от желания иметь больше – неужели не скучно будет тебе жить, осознавая, что вокруг нет никого, кто бы противостоял твоим взглядам?

Создатель смотрел на влюблённых и молчал.

– Почему ты всегда молчишь, когда мы подходим к самому главному?! – прокричал в сердцах Мелиор. – Почему ты не можешь вразумить меня и весь этот мир?

– Потому, что вы свободны и должны сами определяться, что есть для вас мир – любовь или ненависть.

12

Элеонора сидела в кресле и нервно курила.

– Ты понимаешь, что возможно, теперь моя очередь? – с дрожью в голосе произнесла девушка.

Илаев опустился пред ней на колени, нежно взял её руки в свои ладони и, глядя в глаза, твёрдым голосом произнёс:

– Всё будет хорошо! Я сумею защитить тебя.

Приехав в гостиницу, Элеонора первым делом сообщила Илье, что Михаил Андреев, молодой учёный из России, скончался сегодня утром. По информации, полученной от супруги покойного, накануне вечером ему сделалось плохо; Михаила на скорой забрали в больницу, где он умер от обширного инфаркта. Элеонора никогда не слышала, чтобы Михаил жаловался на сердце – он производил впечатление человека вполне здорового и жизнерадостного. Именно Андреев был третьим экспертом, подтвердившим подлинность книги. О смерти же Кузнецова Элеонора узнала от Илаева. Это известие окончательно вывело её из равновесия, как, впрочем, и Илью – известие о смерти Андреева.

– У тебя выпить есть? – спросила ван Голланд.

– Да, конечно, – Илья подошёл к холодильнику, достал оттуда бутылку, покрытую лёгким инеем, и перевёл вопросительный взгляд на Элеонору. Та махнула рукой:

– Подойдёт.

Илья поставил на стол, за неимением рюмок, два стеклянных стакана, порезал дольками апельсин и нарыл плитку шоколада. Сперва налил немного водки даме, потом себе.

– Чокаться не будем, – он поднял стакан и залпом выпил.

Сморщившись, Элеонора сделала то же самое и, фыркнув, поспешила положить в рот дольку апельсина.

Илья налил себе ещё и, не мешкая, повторил процедуру, но уже без всяких предисловий.

– Расскажи мне! – настоятельно попросил Илаев. – Слышишь, Элеонора, расскажи мне всё, что тебе известно.

Она шмыгнула носиком, сделавшись похожей на беззащитную девчонку, которая влипла в неприятности, и теперь понятия не имеет, как из них выбраться.

– Спрашивай.

– Кто похитил книгу?

– Я уверена, что это сделал Стилианос. Он был помощником Синеева на раскопках.

– Элеонора, ты догадываешься или ты знаешь? – Илаев смотрел девушке прямо в глаза.

– Знаю! – почти прокричала она.

– Где он сейчас?

– Он живёт в доме Синеева.

Илаев задумался. Он отчётливо вспомнил молодого парня, который провожал его из дома Якова Исааковича.

– Элеонора! – с укором произнёс Илья. – Ну почему ты молчала?

– Да потому что у меня нет информации, где он её хранит. Стилианос находится под круглосуточным наблюдением, но до сих пор не выдал себя. Поэтому я и не хотела тебе говорить, пока не узнаю точно, где книга, – девушка почти перешла на крик.

– Как он похитил рукопись? – задал вопрос Илья, по-прежнему глядя в глаза Элеоноре.

– Она хранилась в палатке Синеева, как и все находки. Особо ценные мы запирали в сейфе. Ключи от него были только у Синеева и у меня. Книга пролежала в сейфе пять дней. Её доставали только для того, чтобы показать экспертам, и из палатки не выносили. О находке мы не оповещали никого, то есть, знали о ней только я и Яков Исаакович. Старый болван! – Элеонора закатила глаза вверх, словно отпуская последнюю реплику небу. – Он и рассказал

о рукописи Стилианосу. Старик не признал, что это «Книга жизни» и, вероятно, счёл необходимым поделиться с помощником своими умозаключениями.

Я была первой, кто подтвердил подлинность «Книги жизни». Синеев тут же завязал со мной спор – он был просто взбешён моим утверждением. Не приведя ни одного весомого аргумента против, он обрушил на меня поток тезисов с научных симпозиумов. Мне показалось, что он даже не хочет как следует осмотреть рукопись. Яков Исаакович вёл себя неэтично, что на него совсем не похоже. У меня сложилось впечатление, что он согласен с моим мнением, но как баран, почему-то утверждает обратное. Мы даже в сердцах наговорили друг другу несколько больше, чем должно. Я уже решила, что старик впал в маразм и утратил способность мыслить, как учёный.

Стилианос же – его протеже. Синеев везде брал его с собой как личного адъютанта. Старик нашёл себе апостола, чтобы придать ещё больше значимости своей персоне в научной среде. Стилианос действительно смотрел ему в рот и советовался по каждому поводу. Синеев почти год таскал этого парня по раскопкам, конференциям, собраниям. И везде представлял, как молодое дарование, которое способно совершить переворот в истории. Авторитет Якова Исааковича среди историков достаточно велик, чтобы кто-то усомнился в опекаемом им человеке. Перед приездом научной группы, состоящей из лиц тебе известных, Синеев ходил мрачнее тучи – ему явно не хотелось услышать подтверждение моей правоты. Он старался сделать всё, лишь бы отстоять свою точку зрения, и был категорически против привлечения сторонних специалистов. Но Реболаров распорядился пригласить именно этих людей, при чём, не оповещая их о цели визита до прибытия в лагерь. Он не хотел, чтобы раньше времени произошла утечка информации.

– Так значит, Всеволод Александрович знал, что вы нашли книгу? – уточнил Илаев.

– Естественно! – Элеонора нервно закивала головой. – Он полностью спонсировал экспедицию. Как только я убедилась, что книга подлинная – сразу сообщила ему об этом.

– А Яков Исаакович? – поинтересовался Илья.

– Яков Исаакович много лет знаком с Реболаровым, – ответила ван Голланд. – Он давно проживает в Греции, имеет в здешних научных кругах прекрасную репутацию. Всеволод Александрович счёл, что он должен быть руководителем группы, дабы избежать преград со стороны греческих бюрократов. – Элеонора глубоко и горько вздохнула, демонстрируя своё бессилие перед решением Реболарова.

– Извини, мы несколько сбились с темы, – напомнил Илья. – Так как же всё-таки Стилианос украл книгу?

Ван Голланд кинула на Илаева раздражённый взгляд:

– А я разве не сказала?

– Прости, нет.

Она шумно выпустила из лёгких воздух и недовольно поджала губки.

– Журналист, ты очень невнимательно меня слушал!

Илаев удивлённо выпучил глаза. А Элеонора закрыла лицо руками. Она была напугана и взволнована. Илья понимал это и не пытался спорить. Через минуту ван Голланд собралась с мыслями и продолжила:

– Ключи от сейфа были только у меня и у Синеева. Кроме нас про книгу знал только его помощник Стилианос и трое экспертов – Константинов, Симиниди и Андреев, но последних в ночь пропажи в лагере не было. Накануне вечером Синеев запер книгу в сейфе. А к утру труд бесследно исчез. Я уверена, что Яков Исаакович книгу не брал, но я так же уверена, что и я её не брала. Методом исключения, остаётся Стилианос, ведь из присутствующих в лагере про рукопись больше никому не было известно. В ту злополучную ночь мне не спалось, и я вышла подышать воздухом. В палатке Синеева я заметила то ли тусклые мерцания фонарика, то ли отблески свечи. Я стала вглядываться, но свет спустя несколько секунд погас. Я тихо подошла

к палатке и заглянула внутрь. Яков Исаакович преспокойно спал и сладко похрапывал, а вот Стилианоса там не было. Я открыла сейф – книга лежала на месте. До утра я следила за территорией. Стилианоса я не видела. Но когда под утро заглянула к нему снова, то обнаружила, что он спит сном невинного младенца. Вероятно, я была не слишком внимательна и прозевала его возвращение, – Элеонора гордо взглянула на Илаева, будто сделала разоблачение века.

– И о чём это говорит? – с ноткой недоверия в голосе поинтересовался Илья.

Элеонора недовольно хмыкнула, возмущённая тугодумием журналиста, и продолжила, игнорируя его вопрос:

– Я созвонилась с Реболаровым, и мы решили не придавать огласке факт отлучки Стилианоса из лагеря. Всеволод Александрович сказал, что пришлёт людей, чтобы они круглосуточно следили за Синеевым и его помощником. И если книгу выкрал кто-то из них, то рано или поздно они выдадут себя. А постольку, поскольку частые исчезновения этой рукописи воспеты в легендах, то похитители и в этот раз не заставят себя долго ждать. Главное – не подавать виду, что их в чём-то подозревают, дабы не вспугнуть.

– Кто были те двое у дома Синеева? – продолжал Илья.

– Не поняла вопрос.

– Когда я приходил к Якову Исааковичу, за мной следили, – Удивлённый взгляд ван Голланд заставил Илью перефразировать своё утверждение. – Слежка около дома Синеева устроена Реболаровым?

– Вероятно, – Элеонора была действительно удивлена. – Ты, видимо, очень наблюдательный человек. Не думаю, что Всеволод Александрович прислал работать дилетантов. Как ты заметил, что за домом следят?

– Тогда я не придавал этому значения – даже подумал, что слишком подозрителен. Но после твоего рассказа убедился, что около дома были не случайные прохожие.

– У тебя есть ещё вопросы? – резко оборвала его ван Голланд. Пространство комнаты было напряжено до предела. Илаев решил сделать паузу. Он вышел на балкон. Закурил. Приятный дымок, казалось, немного успокоил воспалённые нервные окончания. Небольшое задание в отпуске вылилось в головокружительный триллер. Илаев пытался переварить информацию и навести порядок в неразберихе, творящейся в его голове.

«Три трупа и женщина, находящаяся в смертельной опасности, и всё из-за старой книги, – размышлял Илаев. – Какие же знания должна таить эта рукопись, если из-за неё люди вокруг мрут как мухи при том, что подлинность документа вызывает сомнения. Это опасная игра, ставки в которой слишком высоки».

– Неужели никто не смог прочитать текст? – спросил Илаев. – Ведь специалисты, которые осматривали книгу – не рядовые преподаватели истории.

– Текст написан на языке фарси-дари и нуждается в детальном исследовании. Сходу невозможно выяснить даже приблизительное содержание рукописи, ведь документ довольно объёмный и содержит массу символических изображений и рисунков. Чтобы перевести книгу и познать её суть, понадобилось бы гораздо больше времени, нежели то, которым мы располагали, – Элеонора мягко и незаметно, словно кошка, приблизилась к Илаеву и положила руки ему на плечи. – Илья, ты что, не веришь мне?

Журналист обернулся. Руки девушки остались на его плечах, и лицо её оказалось близко-близко. Илья смотрел в красивые, но полные страха и оттого такие печальные глаза Элеоноры в готовности отдать всё, лишь бы видеть её счастливой. Он прикоснулся губами к её губам, и поцелуй, похожий на прикосновение ангела, на бесконечную свободу и вожделенный плен страсти, взорвал его вселенную.

Элеонора положила голову Илье на грудь, а руками нежно обвила его шею. Журналист боялся дышать – он замер, стараясь не вспугнуть чувство, потрясшее всё его существо. Так,

обнявшись, они стояли на балконе гостиничного номера, и Илье не хотелось отпускать Элеонору ни за что на свете.

– Илья... – тихонько произнесла она, – а у тебя есть женщина?

– Да, – спокойно, с какой-то блаженной улыбкой ответил журналист.

Элеонора взволнованно и разочарованно посмотрела на него.

– И ты её знаешь. Она историк, занимается поисками какой-то странной книги и вечно попадает в неприятности, – сказал Илаев.

Девушка, немного отстранилась, кокетливо улыбнулась, затем надула губки и стукнула Илью кулачком в грудь:

– Дурак, – это получилось у неё совсем безобидно, и журналист рассмеялся.

Элеонора снова прижалась к нему.

– А как ты думаешь, – таинственно прошептала она, – это случайность?

– Что? – спросил Илаев.

– Ну... – Элеонора помедлила, словно подбирая слова, – то, что мы встретились вот так?

Илаев уткнулся носом в её распущенные ароматные волосы.

– Думаю, что случайностей не бывает, – шёпотом ответил журналист.

Девушка подняла голову и заглянула ему прямо в глаза:

– Ты правда так думаешь?

Мелодичный звонок мобильного ван Голланд, раздавшийся из комнаты, заставил их вздрогнуть. Элеонора вырвалась из объятий Ильи, выскочила с балкона и схватила трубку:

– Слушаю.

Илья наблюдал, как лицо девушки меняется на глазах, и ему сейчас совсем не хотелось таких перемен. От нежности и трогательности не осталось и следа, а вместо них появлялось выражение озабоченности и деловитости.

– Не вздумай упустить и держи меня в курсе! – грозным голосом наказала Элеонора своему собеседнику и оборвала связь. – Стилианос только что вышел из дома Синеева, – обратив взгляд на Илаева, пояснила она, – и в руках держит нечто похожее по размерам на книгу.

– Ну так он может нести всё что угодно, – несколько раздражённо буркнул журналист.

– В три часа ночи? – резко оборвала его ван Голланд. – Поехали.

– Куда? – удивлённо спросил Илья.

– Навестим Стилианоса! – Элеонора была полна решимости, и Илаев уловил в её глазах холодный хищный блеск.

Через десять минут её «Ауди», рыская фарами в сумраке, вырвалась за пределы Ретимно.

13

«Ауди» на большой скорости двигалась в направлении того городка, откуда недавно Элеонора столь поспешно увезла Илаева. Угроза, нависшая над девушкой в связи с чередой загадочных смертей учёных, заставила Илью забыть о собственной опасности. Он был собран и готов к борьбе. Жизнь снова обрела смысл. В его голове не осталось ни малейшего намёка на прежнюю опустошённость. Глаза Илаева горели – он был полон сил и желания защитить попавшую в неприятности любимую женщину, а заодно и отыскать рукопись, обещающую подарить людям вечность.

Илья даже думать не хотел об отступлении. Некогда уверенный в себе, готовый к свершениям и победам заслуженный журналист России Илья Дмитриевич Илаев снова вернулся в строй. Вот только цели Ильи теперь поменялись. И если раньше он мог чем-то поступиться ради сенсации, славы, известности, то теперь был готов пожертвовать многим за любовь, истину, идею. Выдающийся журналист медленно, но верно превращался в выдающегося человека.

Ван Голланд вела машину быстро, но нервное повизгивание шин на поворотах и постоянное мелькание опор дорожного ограждения в свете ксеноновых фар, не слишком беспокоили Илаева. Он доверял Элеоноре.

– О чём думаешь? – прервала она молчание.

– Думаю, что мы будем делать, если ты ошибаешься.

Элеонора ухмыльнулась.

– Обстоятельства сложились так, что остановить Стилианоса не смогли и проследить, куда он спрятал книгу – тоже, но он не подозревает, что за ним хвост.

– Так ты считаешь, Синеев с ним в сговоре? – Илья задумался, посмотрел на свою спутницу и встревожено произнёс: – Получается, что он не хотел признавать подлинность рукописи, чтобы затем без лишних неприятностей выкрасть её. Ведь одно дело – похитить просто древний документ, а другое – историческую ценность, известную на весь мир. Неужели этот старик способен на такое? Выходит, ты теперь единственный свидетель, знающий о существовании «Книги жизни»?

– Когда речь идёт о таких деньгах, Илья, у людей отмирает та часть мозга, которая отвечает за совесть, – по-философски задумчиво и одновременно с нотками злобы в голосе, произнесла ван Голланд.

– Если всё обстоит именно так, то Синеев – очень опасный человек. Я даже не представляю, до какой степени коварства он может дойти. Три убийства, два из которых совершены в другой стране, и все закамouflированы под несчастные случаи. У него должны быть партнёры, и весьма могущественные.

– Всё не так просто, – сказала Элеонора. – Я давно знаю Синеева. Он неплохой человек – фанатично предан работе и не менее фанатично – науке. Не удивлюсь, если старик окажется втянутым в невероятную интригу.

– А кто такой Стилианос? – поинтересовался Илаев.

– Это самое странное обстоятельство, – Элеонора на секунду отвлеклась от дороги, скользнула взглядом по лицу Ильи и как-то по-девчачьи хихикнула. – Никто!

– В каком смысле? – журналист медленно моргнул от удивления.

– Его нет, – Элеонора снова хихикнула. – Такого человека нет – он попросту не появлялся на свет. Откуда его взял Синеев – неизвестно, поскольку до выяснения местонахождения книги с ними никто не общался с пристрастием. Документы поддельные. Установить личность Стилианоса пока не удалось, да мы особенно и не старались – раньше это было никому не нужно, а теперь не хотим рисковать. Ведь если мы поднимем ажиотаж вокруг его персоны и станем наводить справки, Стилианос может насторожиться и залечь на дно.

– Я прошу прощения, – Илаев закашлялся. – «Мы» – это...?

– Реболаров, его люди, я, а теперь и ты тоже, – ван Голланд взглянула на Илью. – А что тебя удивляет? Я выполняю поручение Всеволода Александровича, и книга нужна, в первую очередь, ему.

– Но ты не находишь, что это несколько... – Илья замаялся.

– Неэтично? – продолжила за него Элеонора. – Илья, неужели ты и правда считаешь, что эта книга заключает знания, которые спасут мир от смерти? Да это просто рукопись, пусть очень древняя и очень ценная. Все труды Авиценны давно изучены, и ни один из них не содержит каких-то тайных знаний. В них даже намёка нет на панацею или вечную жизнь. Легенда – это всего лишь легенда. А Реболаров очень влиятельный и до неприличия богатый человек со своими причудами. И оттого, что он приобретёт в свою коллекцию эту рукопись, мир ничего не потеряет. Знаешь, сколько я держала в руках артефактов, обещавших и вечную молодость, и вечную жизнь, и постижение истины? И, как видишь, старюсь и понятия не имею, что есть истина. А знаешь, сколько их лежит на полках исторических архивов, похороненных под слоем пыли и обречённых на забвение? – Да больше половины! Так пусть эта книга находится в хоро-

ших руках и хранится в надлежащих условиях. Я же не буду бедствовать, выклянчивая деньги на новые исследования или новую машину у мерзких самодовольных спонсоров – большинству из них, кстати, нет никакого дела до истории и до науки, а средства они вкладывают только для того, чтобы сделать себе рекламу и создать благопристойный имидж. Либо для того, чтобы обелить мошенническую сделку. Они даже не верят, что до них вообще существовала жизнь, и уж тем более, не задумываются, что она будет существовать после. Такие нередко отдают сумасшедшие деньги за эликсиры молодости, а не получив желаемого результата, в сердцах уничтожают реликвии. Люди, которые, как Реболаров, искренне интересуются историей – большая редкость.

Илья молчал. Ему были не по душе мысли Элеоноры, но журналист понимал, что отчасти она права. Весь мир вращается вокруг денег, а она молода, красива, ей трудно устоять перед соблазнами жизни. В конце концов, и сам он, прячась за правильными словами, добывал себе имя, деньги и славу в журналистской среде, не всегда руководствуясь принципами и этикой. В противном случае Илаев не смог бы стать тем, кем сегодня является в глазах общественности. Нужно ли ему это сейчас? Возможно, уже нет. Но всегда легче отказаться от того, в чём разуверился, нежели отречься от мечты, так и не познав её вкуса. По крайней мере, Элеонора говорила откровенно и не пыталась прикинуться кроткой овечкой.

Тем временем, машина въехала в Ираклион. Илья не узнавал дорогу. Путь из этого города он проделал в состоянии лёгкого шока. Произошедшее несчастье с Костой и неожиданное появление Элеоноры не придали трезвости мышлению. И, как оказалось позднее, предчувствия не подвели Илью. Коста Симиниди был мёртв, и его смерть оказалась не последней.

Элеонора остановила машину на одной из узких улочек, погасила габаритные огни.

– Мы кого-то ждём? – спросил Илаев.

– Мы ждём звонка, – ван Голланд нервно постукивала пальцами по рулю.

Ждать пришлось недолго.

– Я поняла, – бросила в трубку девушка. – До моего приезда ничего не предпринимайте.

Щёлкнул замок зажигания, и автомобиль тронулся с места.

– Стилианос ни с кем не встречался. Он покрутился по городу и вернулся в дом вместе со свёртком, – деловито отрапортовала ван Голланд.

– Что дальше? – поинтересовался Илья.

– Мы едем к Якову Исааковичу. Медлить больше нельзя, – тон девушки был бесстрастным и холодным. Она снова напоминала суперагента из шпионского боевика.

«Кто же ты, Элеонора ван Голланд?» – подумал про себя Илаев. А вслух произнёс:

– Но ведь это могла быть не книга, и тогда мы вспугнём злоумышленников.

– Стилианос вёл себя слишком нервно: он кому-то звонил и потом чуть не швырнул свой мобильник. Ты вышел бы на прогулку среди ночи, чтобы с кем-то созвониться, а затем вернуться домой? – задала вопрос Элеонора.

– Всё может быть, – протянул Илаев. – Но это не подтверждает твоей версии.

– Ждать больше нет смысла, – твёрдо заявила девушка. – В любом случае, пора вмешаться, раз он начал предпринимать попытки связаться с кем-то.

– Послушай! – Илья пытался быть как можно убедительнее. – Даже если ты права, даже если он пытался связаться с покупателями или заказчиками – с чего ты взяла, что книга в данный момент у него? Остановись! Подумай! Своей поспешностью ты можешь всё испортить. Ты взволнована, и тебе трудно рассуждать трезво.

Элеонора резко остановила машину и заглушила двигатель. Повернувшись к Илье, она раздражённо спросила:

– Твои предложения, журналист?

– Для начала, успокойся, – Илья накрыл ладонью сжимающую руль руку девушки. – Прошу тебя, успокойся. Если твои люди готовы продолжать наблюдение – значит, нужно его

продолжать. Ну что ты сделаешь, если Стилианос пошлёт тебя куда подальше или просто не пустит на порог? А ведь есть ещё вариант, он вызовет полицию, и мы с тобой проведём остаток ночи – а возможно, и гораздо более длительный срок – в местной тюрьме по подозрению в убийстве Косты.

– Но пойми: я не могу ждать, пока мне влепят пулю в затылок или устроят острую сердечную недостаточность. Илья, ты что, забыл?! Из тех, кто знал о существовании книги, я – единственная, оставшаяся в живых! – Элеонора сделала глубокий вдох и замерла, словно увидев призрак.

Илья заглянул в широко раскрытые глаза ван Голланд.

– Я правильно тебя понимаю? – аккуратно уточнил Илаев. – Ты хочешь сказать, что Синеев, может оказаться непричастным к исчезновению, и тогда...

Машина сорвалась с места. Через десять минут они подъехали к дому Якова Исааковича и, наскоро припарковавшись, ринулись к входу. Элеонора нажала кнопку звонка. Тишина. Через пару минут Илья услышал шаркающие шаги за дверью и недовольное старческое ворчание.

– Что вам, чёрт побери, нужно?

– Приношу свои извинения, Яков Исаакович, мне срочно нужно с вами поговорить – обстоятельства сложились так, что это не терпит отлагательств. – Элеонора нетерпеливо дёрнула входную ручку.

Дверь открылась. Синеев предстал перед Элеонорой и Ильёй заспанным и растрёпанным. Редкие седые волосы были взъерошены, на ногах красовались смешные домашние тапки с большими мысами, а из-под небрежно накинутого домашнего халата виднелась пижама.

– Мисс ван Голланд, я бы предпочёл общаться с вами днём и при свидетелях. А этот журналист, несмотря на хорошие рекомендации, уже не вызывает доверия, поскольку прибыл вместе с вами, – недовольно буркнул старик и ткнул в Илью длинным желтоватым пальцем.

– Речь идёт о вашей безопасности, – настаивала Элеонора.

– Встречаясь с вами ночью, я подвергаю себя гораздо большей опасности, нежели решив поплавать с крокодилами в Ниле. Но я стар и давно не боюсь опасных ситуаций. Хочу только заметить, что камера перед входом зафиксировала ваш приход, и если вы намереваетесь со мной разделаться, как с остальными – это вряд ли сойдёт с рук, – и Синеев помахал перед лицом Элеоноры сухим кулаком.

Элеонора и Илья переглянулись.

– По вашему тону я поняла, что в дом вы нас не пустите, – предположила ван Голланд.

– Проходите, коль пришли. Стал бы я открывать дверь для того, чтобы впустую сотрясать воздух? – Синеев повернулся и направился вглубь своего жилища, жестом приглашая следовать за ним.

Яков Исаакович шёл, не оборачиваясь, шаркая тапками по начищенному до блеска полу. Илья отметил, что Синеев действительно не выглядит испуганным или взволнованным, хотя из высказываний старика следовало, что он прекрасно осведомлён об участии, постигшей его коллег. Все трое поднялись в кабинет Синеева. Илья и Элеонора, не дожидаясь предложения присесть, расположились в плетёных креслах.

– Яков Исаакович, между нами возникли научные разногласия, но я бы попросила вас на время забыть об этом. Всё это не имеет значения в свете произошедших за последние несколько дней событий, – начала свою речь Элеонора.

Синеев как-то иронично хмыкнул. Элеонора, недоумевающая от реакции старика, продолжила:

– Яков Исаакович, вы давно знаете меня. Я не склонна поднимать шум на ровном месте, но, по-моему, и вам и мне сейчас угрожает опасность. Люди, которые знали о существовании книги и видели её, мертвы. И как-то не верится, что это простое совпадение.

– И что вы хотите мне предложить? Застрелиться самому? – с явным сарказмом в голосе произнёс старик.

– Я не совсем понимаю вашего юмора! – начинала закипать Элеонора.

– Хватит, мисс ван Голланд, – Синеев стукнул рукой по плетённому столу. – Говорите ясней, с чем вы приехали ко мне?

– Хорошо, – Элеонора усилием воли снова приняла спокойный вид. – Я хотела бы поинтересоваться, где сейчас Стилианос?

– Спит, скорее всего. Но я не пойму, чем вас заинтересовал мой помощник? – Яков Исаакович со злым прищуром зыркнул на ван Голланд, а затем на Илаева.

– Расскажи ему, – обратился Илья к девушке. – Сейчас бессмысленно что-либо скрывать, раз уж мы уже здесь.

И Элеонора изложила Синееву свою версию событий. Она поведала про таинственную отлучку Стилианоса из лагеря накануне похищения рукописи, про слежку, установленную за ним, про сегодняшнюю ночную прогулку, во время которой тот долго и нервно беседовал с кем-то по мобильному телефону. О своих подозрениях в отношении самого Якова Исааковича, равно как и о сомнительном происхождении его помощника, Элеонора решила пока придержать язык за зубами. Синеев внимательно выслушал ван Голланд. Илья, неусыпно наблюдающий за его реакцией, не заметил ни страха, ни растерянности на лице старика. Периодически он лишь презрительно хмыкал.

– И из всего этого вы сделали вывод, что это Стилианос похитил рукопись? И за считанные дни подготовил и совершил три убийства в разных странах? Да ещё и умудрился замаскировать их под несчастные случаи? Мисс ван Голланд, я не совсем понимаю игру, которую вы затеяли, но отчётливо начинаю осознавать, насколько вы коварны. И как я – умудрённый опытом старик – мог так ошибаться в вас! – Синеев сочувственно посмотрел на Илаева. – Берегитесь, молодой человек, вы имеете дело с хищницей!

Ван Голланд была не на шутку раздражена непониманием и странным поведением Синеева.

– Да что вы несёте, мистер Синеев! – она почти перешла на крик. – Мы мчим к вам среди ночи, беспокоясь о вашей безопасности, а вы ведёте себя как паец!

Яков Исаакович встал, подошёл к окну.

– Элеонора, я пожилой человек. Старику негоже делать крайние предположения и выдвигать бездоказательные обвинения чёрт знает в чём, но всё же... – Синеев задумчиво смотрел в окно. – Мне вся картина представляется несколько иначе, нежели преподнесли вы. Но я стар и могу ошибаться. Вы готовы доверить ушам этого молодого человека и моё видение ситуации?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.